

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ САТАНЫ

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ РОМАН
ИЗ ЕВРОПЫ

Здесь дремлет тайна
могущества Бога

ПАТРИК ГРЭХАМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ФРАНЦИИ *PRIX DES MAISONS DE LA PRESSE*
ЗА БОЛЬШОЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС.

ПРОДАНО СВЫШЕ **200 000** ЭКЗЕМПЛЯРОВ!

Мария Паркс

Патрик Грэхам

Евангелие от Сатаны

«Центрполиграф»

2007

Грэхам П.

Евангелие от Сатаны / П. Грэхам — «Центрполиграф»,
2007 — (Мария Паркс)

Специальный агент ФБР Мария Паркес, специалист по составлению психологических портретов, неумоимо идет по следу серийных убийц. Мария обладает даром медиума, каждую ночь она видит во сне убийства, точно передачи в прямом эфире, не имея возможности предотвратить ужасное действие. Благодаря своему дару она уже выследила несколько душегубов. На этот раз пропала помощница шерифа Рейчел, которая занималась расследованием исчезновения четырех молодых официанток. Следы Рейчел приводят Марию в лес, к развалинам старой церкви. То, что она увидела там, в подземелье, заставило ее похолодеть...

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	22
Часть третья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Патрик Грэхам Евангелие от Сатаны

* * *

Художественное оформление Е. Ю. Шурлаповой

© Editions Anne Carrière, Paris, 2007

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Посвящается Сабине де Танни

Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он – лжец и отец лжи.

Евангелие от Иоанна, 8: 44

На седьмой день Бог отдал людей зверям земным, чтобы звери их пожрали. Потом он заточил Сатану в глубине и отвернулся от своего творения. И Сатана остался один и начал мучить людей.

Евангелие от Сатаны, шестое пророчество Книги Порч и Сглазов

Все великие истины вначале бывают богохульствами.

Джордж Бернард Шоу. Аннаянска

Побежденный Бог станет Сатаной. Победивший Сатана станет Богом.

Анатолий Франс. Восстание Ангелов

Часть первая

1

11 февраля 1348 года. Монастырь-крепость Больцано на севере Италии

Огонь большой восковой свечи слабел: в тесном замкнутом пространстве, где она догорала, оставалось все меньше воздуха. Скоро свеча потухнет. От нее уже исходит тошнотворный запах жира и горячего фитиля.

Старая замурованная монахиня только что истратила последние силы на то, чтобы нацарапать плотницким гвоздем на одной из боковых стен свое послание. Теперь она перечитывала его в последний раз, слегка касаясь кончиками пальцев тех мест, которые уставшие глаза уже не могли различить. Убедившись, что линии надписи достаточно глубоки, она дрожащей рукой проверила, прочна ли та стена, которая закрывала ей путь отсюда, – кирпичная кладка, которая отгораживает ее от всего мира и медленно душит.

Ее могила такая узкая и низкая, что старая женщина не может ни сесть на корточки, ни выпрямиться во весь рост. Уже много часов она гнет спину в этом закутке. Это пытка теснотой. Она вспоминает то, что читала во многих рукописях о страданиях тех, кого суды Святейшей инквизиции, выбив признание, приговорили к заключению в таких каменных мешках. Так мучились повивальные бабки, тайно делавшие женщинам аборт, и ведьмы, и те погибшие души, которых пытка клещами и горящими головнями заставила назвать тысячу имен Дьявола.

Особенно хорошо ей вспомнился записанный на пергаменте рассказ о том, как в предыдущем веке войска папы Иннокентия IV захватили монастырь Сервио. В тот день девятьсот папских рыцарей окружили стены монастыря, монахи которого, как было сказано в рукописи, были одержимы силами Зла и служили черные мессы, во время которых распарывали животы беременным женщинам и съедали младенцев, зревших в их чревах. Пока авангард этой армии ломал тараном решетку монастырских ворот, позади войска ждали в повозках и каретах трое судей инквизиции, их нотариусы и приведенные к присяге палачи со своими смертоносными орудиями. Проломив ворота, победители обнаружили, что монахи ждут их в часовне, стоя на коленях. Осмотрев эту молчащую зловонную толпу, папские наемники зарезали самых слабых, глухих, немых, калек и слабоумных, а остальных увели в подвалы крепости и пытали целую неделю, днями и ночами. Это была неделя воплей и слез. И неделя гнилой стоячей воды, которую испуганные слуги непрерывно выплескивали на каменные плитки пола, ведро за ведром, смывая с него лужи крови. Наконец, когда над этим постыдным разгулом ярости зашла луна, тех, кто выдержал пытки четвертованием и сажанием на кол, тех, кто кричал, но не умер, когда палачи пронзали им пупок и вытаскивали наружу кишки, тех, кто все еще жил, когда их плоть трещала и хрустела под железом инквизиторов, замуровали, уже полумертвых, в подвалах монастыря.

Теперь настала ее очередь. Только она не мучилась под пытками. Старая монахиня – мать Изольда де Трент, настоятельница монастыря августинок в Больцано, замуровала себя собственными руками, чтобы спастись от демона-убийцы, который проник в ее монастырь. Она сама заложила кирпичами пролом в стене – выход из своего убежища, сама скрепила их раствором. С собой она взяла несколько свечей, свои скромные пожитки и, в куске навощенного холста, ужасную тайну, которую уносила с собой в могилу. Уносила не для того, чтобы тайна погибла, а чтобы не попала в руки Зверя, который преследовал настоятельницу в этом святом месте. Этот Зверь, не имеющий лица, убивал людей ночь за ночью. Он растерзал три-

надцать монахинь ее ордена. Это был монах... или какое-то существо, не имеющее названия, которое надело на себя святую рясу. Тринадцать ночей – тринадцать ритуальных убийств.

Тринадцать распятых монахинь. С того утра, когда Зверь на рассвете овладел больничным монастырем, этот убийца питался плотью и душами служительниц Господа.

Мать Изольда уже засыпала, но вдруг услышала шаги на лестнице, которая вела в подвалы. Она затаила дыхание и прислушалась. Где-то далеко в темноте прозвучал голос – детский голосок, полный слез, звал ее с верхнего конца лестницы. Старая монахиня задрожала так, что у нее застучали зубы, но не от холода: в ее укрытии было тепло и сыро. Это был голос сестры Брагансы, самой молодой послушницы монастыря. Браганса умоляла мать Изольду сказать, куда та спряталась, молила, чтобы Изольда позволила ей укрыться там же от убийцы, который за ней гонится. И повторяла прерывавшимся от слез голосом, что не хочет умирать. Но сестру Брагансу она похоронила сегодня утром собственными руками. Зарыла в мягкой земле кладбища маленький холщовый мешок со всем, что осталось от трупа Брагансы, убитой Зверем.

Слезы ужаса и горя потекли по щекам старой монахини. Она зажала руками уши, чтобы больше не слышать плач Брагансы, закрыла глаза и стала молить Бога, чтобы Он призвал ее к себе.

2

Все началось за несколько недель до того, когда возникли слухи, что в Венеции наводнение и тысячи крыс выбежали на набережные каналов этого водного города. Говорили, что эти грызуны сошли с ума от какой-то неизвестной болезни и нападают на людей и собак. Эта когтистая и клыкастая армия заполнила лагуны от острова Джудекка до острова Сан-Микеле и продвигалась в глубь переулков.

Когда в бедняцких кварталах были замечены первые случаи чумы, старый дож Венеции приказал перегородить мосты и пробить дно у судов, которые использовались для плавания на материк. Затем он поставил охрану у городских ворот и срочно отправил рыцарей предупредить правителей соседних земель о том, что лагуны стали опасными. Увы, через тринадцать дней после наводнения в небо Венеции поднялось пламя первых костров, и гондолы, нагруженные трупами, поплыли по каналам собирать мертвых детей, которых плачущие матери бросали вниз из окон.

В конце этой жуткой недели знатные люди Венеции послали своих солдат против стражников дожа, которые по-прежнему охраняли мосты. В ту же ночь злой ветер, прилетевший с моря, помешал собакам учуять людей, убежавших из города через поля. Правители Местре¹ и Падуи срочно послали сотни лучников и арбалетчиков остановить поток умирающих, который растекался по матерiku. Но ни ливень стрел, ни треск ружейных выстрелов (у некоторых стрелков были аркебузы) не помешал мору распространяться по области Венето со скоростью лесного пожара.

Тогда люди стали сжигать деревни и бросать в огонь пожара умирающих. Пытаясь остановить эпидемию, объявляли карантин для целых городов. Горстями рассыпали на полях крупную соль и заваливали колодцы строительным мусором. Окропляли амбары и гумна святой водой и прибили гвоздями к дверям домов тысячи живых сов. Сожгли даже нескольких ведьм, людей с заячьей губой и детей-уродов – и нескольких горбунов тоже. Увы, черная зараза продолжала передаваться животным, и вскоре своры собак и огромные стаи воронов стали нападать на тянувшиеся по дорогам колонны беглецов.

¹ Местре – в те времена город, через который осуществлялась связь Венеции с материком, теперь – один из северных районов Венеции. (Здесь и далее примеч. пер.)

Потом болезнь передалась птицам полуострова. Конечно, венецианские голуби, покинувшие город-призрак, заразили диких голубей, дроздов, козодоев и воробьев. Затвердевшие птичьи трупы, падая, отскакивали от земли и от крыш домов, словно камни. Потом тысячи лис, хорьков, лесных мышей и землероек выбежали из лесов и присоединились к полчищам крыс, штурмовавшим города. Всего за месяц на севере Италии наступила мертвая тишина. Никаких новостей, кроме болезни, не было. А болезнь распространялась быстрее, чем слухи о ней, и потому эти слухи тоже постепенно затихли. Вскоре не осталось ни шепота, ни отголоска чьих-то слов, ни почтового голубя, ни одного всадника, чтобы предупредить людей о приближении беды. Наступила зловещая зима, которая уже в начале стала самой холодной за целый век. Но из-за всеобщего молчания нигде не зажгли огонь во рвах, чтобы прогнать армию крыс, которая шла на север. Нигде не собрали на окраине города отряды крестьян с факелами и косами. И никто не приказал вовремя набрать сильных работников, чтобы они перенесли мешки с семенным зерном в хорошо укрепленные амбары замков.

Продвигаясь со скоростью ветра и не встречая сопротивления на своем пути, чума перешла через Альпы и присоединилась к другим бедам, от которых страдал Прованс. В Тулузе и Каркасоне разъяренные толпы убивали тех, у кого был насморк или простуда. В Арле больных хоронили в больших рвах. В Марселе, в приютах для умирающих, их сжигали заживо с помощью масла и смолы. В Грассе и Гардане поджигали поля лаванды, чтобы небеса перестали гневаться на людей.

В Оранже, а потом у ворот Лиона королевские войска стреляли из пушек по приближавшимся полчищам крыс. Грызуны были так злы и голодны, что грызли камни и царапали когтями стволы деревьев.

Поскольку подавленные этими ужасами рыцари сидели взаперти в городе Маконе, болезнь добралась до Парижа, а позже и до Германии, где уничтожила население целых городов. Скоро по обе стороны Рейна стало столько трупов и слез, что казалось, болезнь добралась до самого Неба и сам Бог умирает от чумы.

3

Задыхаясь в своем укрытии, мать Изольда вспомнила о том всаднике, который стал для них вестником несчастья. Он появился из тумана через одиннадцать дней после того, как римские полки сожгли Венецию. Подъезжая к монастырю, он затрубил в рог, и мать Изольда вышла на стену, чтобы выслушать его сообщение.

Всадник закрывал лицо грязным камзолом и хрипло кашлял. Серая ткань камзола была забрызгана каплями красной от крови слюны. Приложив ладони ко рту, чтобы голос стал сильнее, чем шум ветра, он громко крикнул:

– Эй, там, на стенах! Епископ поручил мне предупредить все монастыри, мужские и женские, о приближении большой беды. Чума добралась до Бергамо и Милана. Она распространяется и в южном направлении. Костры в знак тревоги уже горят в Равенне, Пизе и Флоренции.

– Есть ли у вас новости из Пармы?

– К сожалению, нет, матушка. Но по дороге я видел множество факелов, которые везли в Кремону, чтобы ее сжечь, а это совсем рядом. И видел процессии, которые подходили к стенам Болоньи. Я обошел вокруг Падуи; она уже превратилась в очистительный костер, освещавший ночь. И вокруг Вероны тоже обошел. Выжившие сказали мне, что несчастные, которые не смогли убежать оттуда, дошли до того, что ели трупы, кучи которых лежат на улицах, и дрались с собаками за такую пищу. Уже много дней я вижу в пути только горы трупов и наполненные мертвыми телами рвы, засыпать которые землекопам не хватает сил.

– А как Авиньон? Что с Авиньоном и с дворцом его святейшества?

– С Авиньоном нет связи. С Арлем и Нимом тоже нет. Я знаю только, что везде сжигают деревни, режут скот и служат мессы, чтобы разогнать тучи мух, которые заполнили небо. Всюду жгут пряности и травы, чтобы остановить ядовитые испарения, которые разносит ветер. Но, увы, люди умирают, и на дорогах валяются тысячи трупов – тех, кто упал, убитый болезнью, и тех, кто был застрелен солдатами из аркебуз.

Наступила тишина. Монахини стали умолять мать Изольду впустить несчастного в монастырь. Она движением руки велела им замолчать, снова наклонилась со стены и спросила:

– Вы сказали, вас послал епископ? Кто именно?

– Его преосвященство монсеньор Бенвенуто Торричелли, епископ Модены, Феррары и Падуи.

У Изольды мурашки пробежали по телу. Голосом, который дрожал в ледяном воздухе, она ответила:

– Увы, сударь. Я с сожалением должна сообщить вам, что монсеньор Торричелли умер этим летом – погиб из-за несчастного случая с каретой. Поэтому я прошу вас идти дальше вашей дорогой. Не сбросить ли вам со стены еду и мази для растирания груди?

Всадник открыл лицо, и со стены раздались крики удивления и растерянности: оно распухло от чумы.

– Бог умер в Бергамо, матушка! Какие мази помогут от этих ран? Какие молитвы? Лучше, старая свинья, открой ворота и дай мне слить мой гной в животы твоих послушниц!

Снова наступила тишина, которую лишь немного тревожил свист ветра. Потом всадник повернул коня, пришпорил его до крови и исчез, словно лес проглотил его.

С тех пор мать Изольда и ее монахини по очереди дежурили на стенах, но не увидели ни одной живой души до того тысячу раз проклятого дня, когда к воротам подъехала телега с продовольствием.

4

Телегой правил Гаспар, а тянули ее четыре хилых мула. От их потной шерсти в ледяном воздухе поднимался пар. Храбрый крестьянин Гаспар множество раз рисковал жизнью, чтобы привезти монахиням снизу последние осенние припасы – яблоки и виноград из Тосканы, фиги из Пьемонта, оливковое масло в кувшинах и целый штабель мешков муки с мельниц Умбрии. Из этой муки больцанские монахини будут печь свой черный комковатый хлеб, который хорошо поддерживает силы в теле. Сияя от гордости, Гаспар поставил перед ними еще две бутылки водки, которую сам гнал из слив. Это был дьявольский напиток, который румянил монахиням щеки и заставлял их произносить богохульства. Мать Изольда отругала возчика лишь для вида: она была счастлива, что сможет растирать водкой свои суставы. Наклонившись, чтобы достать из телеги мешок бобов, она заметила маленькое тело, которое скрючилось на дне. Гаспар обнаружил в нескольких лье от их монастыря умирающую старую монахиню неизвестно какого ордена и привез сюда.

Ноги и руки больной были укутаны тряпками, а лицо скрыто вуалью-сеткой. На ней была белая одежда, пострадавшая от колючек и дорожной грязи, и красный бархатный плащ с вышитым гербом.

Мать Изольда перегнулась через заднюю стенку телеги, наклонилась над монахиней, стерла с герба пыль – и ее рука замерла от страха. На плаще были вышиты четыре ветки золотого и шафранного цветов на синем фоне – крест затворниц с горы Сервин!

Эти затворницы жили в уединении и молчании среди гор, возвышавшихся над деревней Церматт. Их крепость была настолько отрезана скалами от внешнего мира, что продовольствие к ним поднимали в корзинах на канатах. Они словно охраняли весь мир.

Ни один человек никогда не видел их лиц и не слышал голосов. Из-за этого даже говорили, что эти отшельницы уродливее и злее, чем сам дьявол, что они пьют человеческую кровь, едят отвратительные похлебки и от этой пищи приобретают дар пророчества и способность к ясновидению. Другие слухи утверждали, что сервинские затворницы – ведьмы и повивальные бабки, делавшие беременным аборт. Их будто бы навсегда заточили в этих стенах за страшнейший грех – людоедство. Были и те, кто утверждал, что затворницы умерли еще много столетий назад, что в каждое полнолуние они становятся вампирами, летают над Альпами и пожирают заблудившихся путников. Горцы подавали эти легенды на деревенских посиделках как вкусное блюдо и, рассказывая, делали пальцами знак «рога», защищаясь от сглаза. От долины Аоста до Доломитов одно упоминание об этих монахинях заставляло людей закрыть двери на засов и спустить собак.

Никто не знал, как пополнялись ряды этого загадочного ордена. Разве что жители Церматта в конце концов заметили, что, когда одна из затворниц умирала, остальные выпускали стаю голубей; птицы недолго кружились над высокими башнями их монастыря, а потом улетали в сторону Рима. Через несколько недель на горной дороге, которая вела в Церматт, появлялась закрытая повозка, которую окружали двенадцать ватиканских рыцарей. К повозке были привязаны колокольчики, которые предупреждали о ее приближении. Услышав этот звук, похожий на звук трещотки, местные жители сразу же захлопывали ставни и задували свечи. Потом, прижимаясь друг к другу в холодном полумраке, они ждали, пока эта тяжелая повозка свернет на тропу для мулов, которая ведет к подножию горы Сервин.

Оказавшись у подножия горы, ватиканские рыцари трубили в трубу. В ответ на их сигнал начинали скрипеть блоки, и вниз опускался канат. На его конце было сиденье из кожаных ремней, к которому рыцари привязывали, тоже ремнями, новую затворницу. Затем они четыре раза дергали за канат, давая знать, что у них все готово. Привязанный к другому концу каната гроб с телом умершей начинал медленно опускаться вниз, а новая затворница в то же время поднималась вверх вдоль каменной стены. И получалось так, что живая женщина, входившая в монастырь, на половине пути встречалась с мертвой, которая его покидала.

Погрузив мертвую в свою повозку, чтобы потом тайно похоронить, рыцари возвращались по той же дороге. Жители Церматта, прислушиваясь к тому, как удаляется этот призрачный отряд, поняли, что никакого другого способа покинуть монастырь затворниц не существует – несчастные женщины, которые входят в него, никогда не выходят обратно.

5

Мать Изольда подняла вуаль затворницы, но открыла только ее рот, чтобы не осквернить своим взглядом лицо. И поднесла зеркало к искривленным страданием губам. На поверхности осталось туманное пятно, значит, монахиня еще дышит. Но по хрипам, от которых едва заметно приподнималась грудь больной, и по морщинам, делившим на части ее шею, Изольда поняла, что затворница слишком худа и стара, чтобы выжить после такого испытания. Значит, традиции, которая ни разу не была нарушена за несколько веков, настает зловещий конец: эта несчастная умрет вне стен своего монастыря.

Ожидая ее последнего вздоха, настоятельница рылась в своей памяти, стараясь отыскать в ней все, что еще знала о загадочном ордене затворниц.

Однажды ночью, когда ватиканские рыцари везли на Сервин новую затворницу, несколько подростков и нечестивых взрослых жителей Церматта тайком пошли за их повозкой, чтобы посмотреть на гроб, который те должны были забрать. Из этого ночного похода не вернулся никто, кроме молодого простоватого парня, козьего пастуха, который жил в горах. Когда его нашли утром, он был наполовину сумасшедшим и что-то неразборчиво бормотал.

Этот пастух рассказал о том, что свет факелов позволил ему увидеть издалека. Гроб вынырнул из тумана, странно дергаясь на конце каната, словно монахиня внутри еще не умерла. Потом он увидел, как поднимается в воздух новая затворница, которую невидимые сестры втягивали на вершину на канате. На высоте пятидесяти метров пеньковый канат лопнул, гроб упал вниз, и от удара о землю его крышка раскололась. Рыцари попытались поймать вторую затворницу, но было слишком поздно: несчастная женщина без крика упала вниз и разбилась о скалы. В тот момент, когда это случилось, из поврежденного гроба раздался звериный крик. Пастух увидел, как две старых руки, исцарапанные и испачканные кровью, поднялись из гроба и стали раздвигать щель. Он в ужасе уверял, что тогда один из рыцарей вынул из ножен меч, придавил пальцы этих рук сапогом и до половины вонзил лезвие в темную внутренность гроба. Крик прекратился. Потом этот рыцарь вытер лезвие о подкладку своей одежды, а остальные его товарищи в это время торопливо забивали гроб гвоздями и грузили на повозку его и труп новой затворницы. Остальная часть рассказа сумасшедшего пастуха о том, что он, по его мнению, увидел, была совершенно невнятным безостановочным бормотанием. Удалось лишь разобрать, что человек, добивший затворницу, потом снял шлем, и стало видно, что у него нечеловеческое лицо.

Этого оказалось достаточно, чтобы пошел слух, будто сервинские затворницы связаны тайным договором с силами зла и что в ту ночь сам Сатана приходил к монастырю за обещанной платой. Это была неправда, но могущественные люди из Рима позволили слухам распространяться, потому что суеверный ужас, который они порождали, охранял тайну затворниц лучше, чем любая крепость.

К несчастью для этих могущественных людей, настоятельницы некоторых монастырей, и мать Изольда в том числе, знали, что на самом деле в церкви Сервинской Богоматери находится самая большая в мире библиотека книг, запретных для христиан. В хорошо укрепленных подвалах и потайных комнатах этой церкви скрыты тысячи сочинений сатанистов. Но главное – там хранились ключи к таким великим тайнам и таким гнусным обманам, что церковь оказалась бы в опасности, если бы кто-то о них узнал. Там были еретические евангелия, найденные инквизицией в цитаделях катаров и вальденсов, сочинения отступников веры, украденные крестоносцами в крепостях Востока, пергаменты, где шла речь о демонах, и проклятые рукописи. Старые монахини, чьи души окаменели от воздержания, хранили в своих стенах эти сочинения, чтобы уберечь человечество от содержащейся в них мерзости. Вот для чего эта молчаливая община жила вдали от людей на краю мира. По этой же причине существовал указ, в соответствии с которым любой, кто открывал лицо затворницы, карался медленной смертью. И поэтому же мать Изольда метнула в Гаспара гневный взгляд, когда увидела умирающую затворницу в задней части его телеги. Теперь оставалось лишь выяснить, почему эта несчастная убежала так далеко из своей загадочной общины и как ее бедные ноги донесли ее сюда. Гаспар опустил голову, вытер пальцами нос и пробормотал, что нужно просто прикончить ее и бросить тело волкам. Мать Изольда притворилась, что не слышит его. К тому же приближалась ночь, и было поздно нести умирающую в карантин.

Изольда осмотрела пах и подмышки затворницы и убедилась, что никаких признаков чумы у той нет. Тогда она приказала своим монахиням отнести больную в одну из келий монастыря. Когда монахини поднимали почти невесомое тело старой затворницы, из потайных карманов ее одежды выпали и покатались в пыль маленький мешок из пропитанного воском холста и кожаный узел.

6

Монахини окружили эти находки, мать Изольда опустилась на колени и развязала шнур, которым был завязан узел. Внутри оказался человеческий череп, затылочная часть и височ-

ные кости которого, казалось, были пробиты ударами камня. Мать Изольда подняла его выше, чтобы на него падал свет.

Череп был очень старый: верхний слой кости начал превращаться в порошок. Изольда увидела, что на него был надет венок из колючих веток и что надбровная дуга была проколота чем-то острым. Настоятельница осторожно коснулась рукой сухих веток. Это был понцирус. В Священном Писании сказано, что из веток этого колючего кустарника римляне сплели терновый венец, который надели Христу на голову после бичевания. И что одна из колючек этого святого венца пронзила Христу надбровную дугу. Страх, словно невидимое лезвие, пронзил живот матери Изольды: на черепе, который она держала в руках, были следы всех мук, которые Христос перенес перед тем, как умер на кресте. Те же пытки, что упомянуты в Евангелиях. Только этот череп пробит во многих местах, а Писание утверждает, что ни один камень не коснулся лица Христа.

Мать Изольда приготовилась положить череп обратно, но почувствовала странное покалывание в пальцах. И словно сквозь туман увидела вдали седьмой из холмов, которые возвышаются над Иерусалимом. Тот холм, где за тринадцать столетий до этого дня был распят на кресте Христос. Тот, который в Евангелиях называется Голгофа, что значит «череп».

Ее зрение постепенно прояснялось, и вот что она увидела. Огромная толпа окружала вершину холма, на которой римские легионеры установили три креста – самый большой в центре и еще два немного в стороне. Два разбойника и Христос. Разбойники не шевелились, а третий распятый выл, как зверь. И толпа смотрела на него с ужасом.

Мать Изольда прищурила глаза, чтобы лучше рассмотреть эту сцену, и поняла, что разбойники уже давно мертвы, а Христос, который корчится на третьем кресте, так похож на евангельского, что может быть принят за него. Разница только в том, что этот Христос был полон ненависти и гнева.

Пока послушницы подбегали к матери Изольде, чтобы помочь ей встать с колен, она смотрела на красный как кровь закат над Голгофой. Это тоже не совпадало с Писанием. Там сказано, что Христос умер в пятнадцатом часу дня. Но тот, кто извивался на кресте в ее видении, был еще жив. Изольда, стоявшая в пыли на коленях, дрожала всем телом. У того, что она видела, было объяснение. Все было так очевидно, что разум настоятельница едва не помутился. Этот распятый, который своими рывками вытягивал из дерева гвозди и ругал толпу и небо, этот полный ненависти и страдания зверь, которого римляне начали бить палками, чтобы разбить его руки и ноги, это омерзительное существо было сыном не Бога, а Сатаны.

Трясущимися руками она снова завязала череп в кожаный лоскут, потом вытерла слезы рукавом ряссы и подняла маленький холщовый мешок, валявшийся в пыли.

Задыхаясь в своем сыром укрытии, Изольда вспомнила ужасное чувство – смесь вождения и ненависти, которое испытала в тот момент, когда поднимала холщовую упаковку. Это, конечно, изжога из-за уксуса. Он входит в лекарства, которые она пьет, чтобы унять боль в костях. Потом был страх, который заставил ее сморщиться, когда она открывала холст. Дунул ледяной ветер, загоняя выбившиеся наружу пряди ее волос обратно под покрывало. Внутри холста была очень старая книга, толстая и тяжелая, как молитвенник, и запертая тяжелой застежкой. Никакой надписи ни на обрезе, ни на обложке. Никаких вытисненных знаков на коже переплета. Книга, похожая на тысячи других. Но от переплета исходило какое-то странное тепло, и от этого настоятельница сразу почувствовала, что на ее монастырь только что обрушилось большое несчастье.

Мать Изольда только что закрыла ворота за уехавшим Гаспаром, когда в северном крыле монастыря кто-то закричал от ужаса. А именно туда монахини отнесли умирающую. Изольда поспешно взобралась по ступеням большой лестницы, а потом побежала по коридорам. Дверь одной кельи была распахнута, и настоятельница помчалась туда. Чем ближе она подбегала, тем громче звучали крики. Ледяной воздух обжигал ее горло, и она остановилась в дверях, чтобы передохнуть.

Старая затворница лежала голая на своей постели, и волосы между бедер резко выделялись на бледной коже ее живота. Но не бледность больной испугала монахинь, не грязь на ее ногах и не ужасная худоба похожего на скелет тела. Другое заставило кричать монахинь и потрясло до основания душу Изольды в первую же секунду, когда та вошла в келью. На теле умирающей были следы пыток. Нельзя было сомневаться, что кто-то держал ее в плену и пытал, но ей удалось бежать от своих мучителей. Ее глаза почти вылезли из глазниц и смотрели из-под вуали на потолок, как глаза статуи смотрят в окружающую ее пустоту. Эти глаза тоже вызывали страх у монахинь и их настоятельницы.

Мать Изольда наклонилась над исхудавшим телом больной. Судя по рубцам на торсе и животе, мучители несчастной затворницы били ее до крови кожаными ремнями, смоченными в уксусе. Ее растянули, закрепили неподвижно руки и ноги, а потом нанесли по туго натянутой коже десятки ударов, из которых каждый рассекал тело до кости. После этого они сломали ей пальцы и вырвали щипцами ногти. А затем вбили гвозди в кости рук и ног. Ржавые головки этих старых гвоздей темнели в ее теле.

Изольда закрыла глаза. Это были не пытки инквизиции – во всяком случае, не те, которые инквизиция применяет, чтобы заставить ведьм признаться. Судя по тому, какие муки вынесла затворница, это был кто-то другой. С такой чрезмерной и преступной жестокостью могли действовать только какие-то озверевшие злодеи, которые хотели не только вырвать у своей жертвы ее тайну, но и убить ее.

Умирающая слабо застонала. Мать Изольда наклонилась к ее губам, чтобы расслышать последние слова. Монахиня говорила на старинном альпийском диалекте. Эту малоизвестную смесь латинских, немецких и итальянских слов Изольда слышала в детстве. Знаками препинания в этой забытой речи были щелчки языком и движения глаз – код затворниц.

Несчастливая монахиня бормотала, что царство Сатаны близко и что тьма распространяется по миру. Она утверждала, что чума – дело Сатаны, который разбудил эту беду для того, чтобы приблизиться к людям незаметно. Даже если все монахи и монахини христианского мира сразу упадут лицом на землю и станут умолять Бога прийти им на помощь, ни одна молитва уже не сможет остановить рыцарей Зла, которые вырвались из Ада.

Потом старая затворница надолго замолчала. Отдышавшись, она продолжила свой рассказ.

Она говорила, что в ночь полнолуния на деревню Церматт напали бродячие воины-всадники в рясах с капюшонами, убили всех жителей и сожгли дома. Затворница называла напавших Ворами Душ. По ее словам, ярость этих дьявольских злодеев была так велика, что ветер донес до затворниц крики жертв. Затворницы хотели выпустить своих почтовых голубей, чтобы сообщить церковным властям в Риме об опасности, которая им угрожала. Но птицы лежали в своей клетке мертвые, словно отравились воздухом, которым дышали.

Потом затворницы увидели при свете пожара, как Воры Душ стали взбираться на скалу, где стоит монастырь, так ловко, словно пальцы их ног и рук могли вонзаться в камень. Тогда монахини укрылись в библиотеке и хотели уничтожить запрещенные рукописи. Но нападав-

шие взломали двери, и несчастные затворницы оказались в их руках, не успев превратить свое сокровище в пепел.

Грудь умирающей стала вздрагивать от рыданий среди рассказа. Затворница слабым голосом говорила о том, что над самыми молодыми пленницами злодеи надругались с помощью раскаленных железных прутьев, а остальные умерли в жестоких муках. Сама она, хотя ее тело и душа были разбиты пытками, продолжавшимися целую ночь, сумела убежать через потайной ход. И сумела унести с собой останки Бога и очень древнюю рукопись в переплете из черной кожи. Она много раз повторила, что эту книгу нельзя отрывать, потому что ее защищает заклинание. Оно убьет любого, кто посмеет взломать замок книги.

По словам затворницы, книга была написана человеческой кровью на языке, составленном из колдовских слов, которые опасно произносить на закате дня. Составил эту рукопись сам Сатана. Это его евангелие – его рассказ о событиях того дня, когда Сын Бога умер на кресте. В тот день Христос утратил веру и, проклиная своего Отца, стал другим – превратился в воющего зверя, которого римляне были вынуждены добить дубиной, чтобы заставить замолчать.

Нагнувшись над затворницей Изольда почувствовала, как тяжесть черепа оттягивает просторный карман ее рясы. Именно эту реликвию больная называла «останками Бога». Затворница сказала, что в ту ночь, когда тот, кто раньше был Христом, умер на кресте, его ученики, которые видели его отречение, сняли его труп с креста и унесли с собой. Они укрылись в пещерах на севере Галилеи и там похоронили распятого. Обо всем этом рассказано в Евангелии от Сатаны. Этот рассказ – отрицание всего. Это великая ложь.

Изольда закрыла глаза. Если этот рассказ – правда, значит, Христос никогда не воскресал из мертвых, и нет никакой надежды на жизнь после смерти. Никакого загробного мира, никакой вечности. Это также значило, что Церковь лгала и что все – ложь. Или что апостолы ошиблись. Или что они... знали.

– Господи, это невозможно... – пробормотала мать Изольда, сжав кулаки и чувствуя, как слезы выступают у нее на глазах.

На одно мгновение ей захотелось задушить сумасшедшую старуху, которая принесла несчастье в ее монастырь. Это было еще проще оттого, что старуха и так умирала. А потом будет достаточно похоронить ее труп в лесу вместе с останками и евангелием. В глубокой могиле среди папоротников, без надгробной плиты или креста. Проблема была в проклятом черепе, который оттягивал карман одежды Изольды как доказательство чужой правоты. Когда настоятельница открыла глаза, умирающая снова стала хрипеть в темноте.

Затворница продолжила свой рассказ. Уже целую луну Воры Душ гонятся за ней. Их начальник умеет найти ее след среди разрушений, причиненных чумой. Его зовут Калерб. Евангелие от Сатаны ни в коем случае не должно попасть в его руки. Если это несчастье случится, тьма накроет весь мир на тысячу лет. Прольются океаны слез. Эти слова умирающая повторяла как молитву снова и снова. Ее голос звучал все тише по мере того, как слабело дыхание. Потом хрип прекратился, и ее глаза остекленели.

Мать Изольда была в ужасе от того, что услышала, и уже собиралась накрыть истерзанное тело затворницы простыней, но тут руки умершей сомкнулись у нее на шее и с нечеловеческой силой сжали горло. Сдавили так, что за несколько секунд выжали всю кровь из ее мозга. Изольда попыталась разжать эти тиски и даже ударила затворницу в надежде, что та отпустит ее шею. После удара из неподвижного рта умершей снова зазвучал голос, но уже другой. Нет, не один голос, а много – низкие и высокие, громкие и другие, звучавшие издали. В ушах матери Изольды зазвучал целый концерт из воплей и ругательств. Там были слова многих языков – латыни, греческого, египетского, северных варварских наречий и еще какие-то неизвестные слова, и все они сталкивались между собой в этом море криков. Гнев и страх, язык Воров Душ, рыцарей Преисподней. Потом черная пелена накрыла глаза Изольды. Настоятельница уже теряла сознание, но тут она вспомнила, что под рясой у нее спрятан кинжал с кожаной

рукоятью и широким лезвием – оружие, чтобы защищать ее сестер от бродяг, которых стало много во время чумы. Уже полумертвая, Изольда взмахнула кинжалом – лезвие блеснуло в свете свечей – и изо всех сил вонзила его в горло затворницы.

Теперь, давя ладонями капли слез на своем лице и задыхаясь в своем укрытии, мать Изольда вспомнила, какое отвращение она чувствовала, когда лезвие кинжала входило в шею умирающей. Она вспомнила, как слабо сопротивлялись металлу кожа и хрящи, как выкатились глаза сумасшедшей старухи, вспомнила ее вопли и заглушившее их бульканье. Она вспомнила, что пальцы, которые ее душили, продолжали цепляться за ее шею. Одна из монахинь должна была перерезать сухожилия на запястьях, и лишь тогда эти руки наконец отпустили Изольду. После этого тело старой монахини выпрямилось в последний раз, упало на кровать и больше не двигалось. Но самым поразительным были ледяной холод, вдруг наполнивший келью, и следы ног, которые появились на полу в ту секунду, когда мертвая упала на тюфяк. Это были отпечатки сапог, и они вели в сторону темного коридора.

Августинки, цепляясь друг за друга от страха, слушали угасающее эхо чьих-то шагов. Мать Изольда крикнула им, чтобы они сейчас же встали на колени и начали молиться. Но было уже поздно призывать Бога. Вот так зимой несчастного 1348 года добрые монахини укрепленного монастыря Больцано освободили Зверя.

8

Таинственные следы сапог быстро высохли, оставив на полу тонкий слой глинистой земли. Глядя на то, как они почти растворяются в струях воздуха, можно было бы почти успокоиться, если бы этот коричневый порошок не был доказательством их реальности и одновременно невозможности их существования. Однако, проведя черту пальцем в центре каждого отпечатка, мать Изольда была вынуждена признать, что ни она, ни ее монахини их не выдумали. Значит, ни одна дубовая дверь, даже самая тяжелая, ни одна молитва и никакая сила в мире не может помешать невидимке, который их оставил, ходить по коридорам монастыря. И к тому же в Доломитах начал падать густой снег. Теперь они, четырнадцать монахинь, оказались в плену у зимы. Им не выбраться из этого монастыря, затерянного среди гор. Из монастыря, где поселился Зверь, который одновременно изгнал из этих стен Бога и надежду из сердец Божьих служанок.

Предоставив монахиням готовить тело умершей для похорон, мать Изольда ушла в свою келью, чтобы взглянуть на рукопись. В этой книге должна быть разгадка предупреждений сумасшедшей старухи и таинственных причин резни в монастыре сервинских затворниц. Если только само евангелие не было причиной трагедии: Воры Душ могли совершить свое ужасное преступление для того, чтобы завладеть этой книгой и уничтожить остальные рукописи библиотеки запрещенных сочинений.

Заперев за собой дверь, мать Изольда спрятала в сундук череп, увенчанный колючими ветвями, и положила на свой самшитовый письменный стол книгу затворницы. Она начала с того, что закрыла глаза и стала ощупывать поверхность книги кончиками пальцев. В прошлом она была послушницей в Риме и там уже в очень раннем возрасте научилась хорошо разбираться в кожах. Изольда умела определять, где была написана книга, а при этом вначале надо было слегка коснуться пальцами переплета и выяснить, из чего он сделан.

Она распознавала кожу диких быков, с которых испанские монахи-кожевники сами снимали шкуру; кожу молодых козлят, тонкие душистые куски которой пиренейские переплетчики кладут один на другой, чтобы переплет казался толще; светлую шершавую кожу козлят другой породы, которую братья монахи за Альпами сначала окрашивали, а потом растягивали на досках из ценных пород дерева, чтобы уменьшить яркость цвета; вареную свиную кожу из

монастырей на Луаре и золотые нити, которые немецкие кожевники вшивали нагретыми в свои изделия. Каждое из этих цеховых братств имело разрешение применять только один способ обработки кожи. Это ограничение защищало Церковь от омерзительной торговли священными книгами, поскольку гарантировало, что написанные книги останутся в тех монастырях, где появились на свет. По закону любого, кто осмелился бы тайком пронести книгу под своими лохмотьями, в случае поимки ослепляли раскаленным железом, а потом казнили медленной смертью. Но эта рукопись была переплетена в совершенно необычную кожу. Мать Изольда не помнила, чтобы когда-нибудь дотрагивалась до такой.

Еще удивительнее было другое: переплет не был изготовлен ни одним из способов, предписанных Церковью. Или, вернее, его обработали всеми этими способами. Должно быть, это была вершина мастерства лучших переплетчиков христианского мира. Это заставляло предположить, что рукопись после того, как была написана, неоднократно, в разные времена, была улучшена и каждый раз это делали заботливые руки. А для этого она должна была тайно передаваться из одного монастыря в другой как наследство. Или как проклятие. А вернее, рукопись сама выбирала себе дом.

Изольда, дочь моя, ты заблуждаешься...

Поворачивая в руках эту древнюю книгу, настоятельница снова почувствовала исходившее от нее странное тепло. Ее ладонь, касаясь этой кожи, словно гладила животное, с которого содрали шкуру, чтобы одеть рукопись в переплет. Она как будто чувствовала далекие удары его сердца, ощущала вены и артерии животного, его мышцы и блестящую от жира шерсть.

Изольда наклонилась ниже и втянула носом воздух, чтобы уловить запах рукописи. Переплет пах стойлом, заплесневевшим сыром и навозом. На заднем плане ее нос различил запах сырой соломы и еще дальше – зловонную смесь запахов пота, грязи и мочи. Еще был запах спермы, теплой и густой звериной спермы. Изольда вздрогнула, и ее пальцы наконец определили, из чего сделан переплет, которого они касались: из кожи черного козла. Кожа у этого козла была нежная и теплая, как у человека. С той разницей, что ни один кожевник, достойный этого имени, даже не подумал бы о том, чтобы переплести рукопись в человеческую кожу.

Понемногу ласкающие движения морщинистой ладони стали более медленными, легкими и женственными. В них появилось что-то греховное, словно в прикосновениях девушки к животу любовника. Движения становились точнее, и настоятельница монастыря чувствовала, как тепло рукописи постепенно согревает углубление в нижней части ее живота и делает тверже соски. Изольда, старая и высохшая, знала лишь те плотские удовольствия, которые неохотно предоставляла ей рука. Она перестала сопротивляться тому смутному беспокойству, от которого постепенно цепенело ее тело. И в тот момент, когда ее душа сдавалась, она увидела еще одно видение.

9

Сначала пришли запахи – ароматы ладана и сухой листвы, густой дух перегноя и гнили в воздухе. Это лес. Изольда почувствовала нежное прикосновение травы к телу и открыла глаза. Она лежит голая в лунном свете посреди поляны. Она слышит приглушенное ворчанье. Ее лица касается воздух, выдохнутый из чьих-то ноздрей. Зверь с мощными мышцами наклоняется над ней, хватает ее за бедра и погружает свой член в ее детородный орган. Это наполовину мужчина, наполовину козел; от него воняет потом и спермой. Обезумев от страха и отвращения, Изольда чувствует, как его звериный член заполняет собой ее влагалище. Волосы, которые растут на животе зверя, смешались с ее волосами. Кожа его рук и бедер дрожит от напряжения.

Эта кожа гладкая и теплая, как та, из которой делают переплеты. Изольда закрывает глаза, и на смену этому видению приходит другое.

Подвалы какой-то крепости. Рыцари-дикари из северных королевств и воины с широким лбом и раскосыми глазами охраняют подземные ходы, которые ведут в комнаты пыток. Их доспехи блестят в мерцании свечей. Северяне имеют кожаные щиты и размахивают большими мечами. У раскосых другое оружие – кинжалы и короткие сабли. Первые – это знатные германцы, вторые – гунны. Изольда застонала: она идет по подземелью крепости, которой владеют варвары, чей род прекратился много столетий назад. Те, кто грабил христианский мир.

Она идет по широкому подземному коридору со сводчатым потолком. Издалека до нее доносятся громкие крики, которые эхом отдаются в подземельях. Она видит статуи, вырубленные в толще стен, – горгулий и гримасничающих демонов. В скалах вырублены и тюремные камеры. Чьи-то руки просовываются между прутьями решетки и пытаются схватить Изольду за волосы, когда она проходит мимо. В коридоре жарко. В его конце дверь, а за ней освещенный факелами зал с рядами колонн. Там на столах лежат прикованные к ним цепями голые мужчины. Палачи наклонились над ними и что-то делают щипцами и ножницами. Узники кричат под пыткой, когда ножницы врезаются в их тела, а щипцы оттягивают кожу, чтобы оторвать ее от мяса. Позади палачей вестготские переплетчики кладут для сушки на решетчатые подставки прямоугольные куски кожи. Эти куски окрашены раствором серы в черный цвет.

Изольда вздрогнула от ужаса: рукопись, которую она только что ласкала в своей келье, сначала имела переплет из человеческой кожи. Лишь потом ее переплели в кожу животного другие руки – руки тех, кто за эти столетия пытался скрыть это мерзкое дело, худшее из преступлений, эту подпись сатанистов.

Зверь склонился над ней. Он пронзает ее женский орган членом, словно кинжалом, и грызет ее груди. И перед ней возникает последнее видение – картина великой чумы.

Полчища крыс разбегаются по миру. Города горят. Миллионы мертвых и открытые рвы, полные трупов. Старая затворница идет среди развалин; ее тело искалечено, лицо закрыто вуалью. Она сжимает под рясой холщовый чехол и кожаный узел. Ее силы на исходе. Скоро она умрет. А где-то монах без лица ходит по разоренному бедствием сельскому краю и ищет ее. Он идет по ее пути в обратном направлении, и мощные струи зловонных запахов не мешают ему чутать ее след. Он убивает всех в тех общинах, которые давали ей приют. Он приближается. Он здесь.

Собрав остатки воли, мать Изольда сумела снять руку с переплета. Пронесся порыв ветра. Он задул свечи. Старая монахиня оказалась в темноте и широко раскрыла глаза от изумления: на обложке рукописи стали видны, словно водяные знаки на бумаге, линии цвета крови. Волокна кожи были каким-то образом уложены так, что образовывали буквы. И эти буквы светились фосфорическим светом.

Это была надпись на латыни; слова дрожали на поверхности переплета. Старая монахиня наклонилась ближе, чтобы их прочесть. И читала вслух, чтобы лучше разобрать. Ее дрожащие губы произнесли:

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ САТАНЫ. КНИГА ОБ УЖАСНОЙ БЕДЕ,
О СМЕРТЕЛЬНЫХ РАНАХ И ВЕЛИКИХ КАТАСТРОФАХ.
ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ КОНЕЦ, ЗДЕСЬ ЗАВЕРШАЕТСЯ НАЧАЛО.
ЗДЕСЬ ДРЕМЛЕТ ТАЙНА МОГУЩЕСТВА БОГА.
ДА БУДУТ ПРОКЛЯТЫ ОГНЕМ ГЛАЗА, ВЗГЛЯД КОТОРЫХ ОСТАНОВИТСЯ НА
НЕЙ.

Это заклинание. Нет, скорее предупреждение – последнее предостережение. Испуганный переплетчик впечатал его в кожу, чтобы остановить тех, кто попытается открыть рукопись из

любопытства или по неосторожности. По этой же причине поколения предусмотрительных мастеров не решились уничтожить эту книгу, а, наоборот, сами трудились над этой вещью из иных времен. Они не украшали книгу, а нанесли на обложку, где нельзя было написать название, эти предостерегающие слова, которые светились лишь в темноте. Потом они заперли страницы толстым гнузским замком, сталь которого блестела в красном свете рукописи.

Изольда вооружилась лупой и свечой и тщательно осмотрела замок. Как она и предполагала, отверстие замка было обманным. Механизмы такого типа открываются легким прикосновением пальцев к определенным местам корпуса. Изольда осмотрела края замка, ища место, которого касались пальцы. При помощи увеличительного стекла ее глаза различили едва заметные выемки – следы пальцев на стали. Она нажала на одну из них концом пера. Щелчок! Из механизма вылетела тонкая игла и вонзилась в испачканное чернилами острие. Кончик иглы был заточен и смазан чем-то зеленоватым. Мышьком – вот чем он был смазан. Изольда вытерла рукавом рясы мокрый от пота лоб. Те, кто создал этот механизм, готовы были совершить убийство, чтобы не позволить недостойным рукам осквернить ужасные тайны, скрытые в книге. Воры Душ убили сервинских затворниц именно ради нее. Ради того, чтобы снова завладеть своим евангелием. Евангелием от Сатаны.

Изольда снова зажгла свечи. По мере того как свет прогонял из кельи тьму, таинственные красные буквы гасли. Настоятельница накрыла письменный стол сукном и повернулась к окну. Снег падал сильнее, чем раньше, и горы были окутаны тенями.

10

Печальные молчаливые августинки похоронили старую затворницу на кладбище своего монастыря. Мать Изольда прочла одно из посланий апостола Павла под стоны холодного ветра, продувавшего монастырские стены. Потом плачущие голоса, вторя звону колокола, пропели погребальную молитву. Ее звуки поднялись к небу в ледяном воздухе вместе с белым паром от дыхания поющих. На слова песнопения ответили только карканье ворон и долетавший издали волчий вой. Стелившийся над землей туман заглушал дневной свет, и день начал угасать. Полумрак был такой густой, что ни одна из этих благочестивых женщин, согнутых горем, не заметила темную фигуру, следившую за ними из внутренних галерей монастыря. Фигуру человека в монашеской рясе, лицо которого скрывал большой капюшон.

Первое убийство произошло вскоре после полуночи, когда мать Изольда мылась. Во влажном тепле прачечной она переделалась в толстую шерстяную рубашку и надела на руку перчатку из конского волоса, чтобы пальцы не прикасались к телу. Потом вошла до паха в серую дымящуюся воду, в которой испарения тел других женщин смешались с их грязью. Стараясь забыть о своем опухшем горле, она натирала себе руки и бедра обломком твердых квасцов и порошком из песка. Каждое движение ее рук оставляло белый след среди слоя покрывавшей кожу грязи. И в этот момент она услышала вопли сестры Сони и призывы о помощи других монахинь, которые выбежали из келий в коридоры.

11

Келья была заперта. Дрожа от холода в мокрой купальной рубашке, мать Изольда стала бить плечом в дверь. За дверью продолжала кричать сестра Соня. Ее звериные вопли и крики ужаса прерывались щелчками плети, ударявшей по голому телу.

Монахини нажали изо всех сил, и дверь приоткрылась. Изольда увидела израненное тело Сони. Какая-то злая сила распяла их сестру на стене, и ноги несчастной били по камню в нескольких сантиметрах от пола. Соня была совершенно голой. Ее бледный живот и груди раскачивались от ударов ремненной плети, хлеставшей по ее коже. Из пробитых большими гвоз-

дьями ладоней обильно текла кровь. В центре кельи свечи выхватывали из мрака огромную темную фигуру того, кто избивал сестру. Это был монах в черной рясе. Капюшон полностью скрывал его лицо. На шее раскачивался, ударяясь о грудь, тяжелый серебряный медальон – пятиконечная звезда, в центре которой был изображен демон с головой козла, эмблема почитателей Сатаны.

Монах повернул к Изольде свое лицо, на котором ярко блестели глаза, и настоятельница почувствовала, как непреодолимая сила закрывает дверь кельи. Эта же сила прижимала к стене сестру Соню – сила, исходившая от монаха. Изольда успела увидеть, как демон вынимает кинжал из кожаных ножен. Ее взгляд пересекся со взглядом Сони как раз в тот момент, когда лезвие кинжала вонзалось монахине в живот. Настоятельница увидела, как внутренности несчастной рассыпались по полу. Потом дверь закрылась, и порыв ледяного ветра заставил задрожать монахинь. Такой же ветер дунул на них, когда умерла затворница.

Изольда опустила глаза и увидела, что на полу появились следы ног – отпечатки босых ступней, испачканных кровью. Они уходили в темноту коридора. Сердце настоятельница сжалось: на левой ступне не хватало одного пальца. Она вспомнила, что несколько недель назад сестра Соня, обрубая топором ветки с сухого дерева, не рассчитала своих движений, удар топора пришелся по ее сандали и отрубил ей пятый палец левой ноги.

Старая монахиня еще продолжала ощупывать эти отпечатки, когда заскрипели петли и дверь кельи открылась. То, что осталось от несчастной Сони, по-прежнему висело на стене, прибитое гвоздями. Живот был распорот, глаза полны ужаса. У ее ног дымилась в луже крови куча внутренностей. Изольда удивилась, что в человеческом теле может быть так много жидкости и мягкого вещества, но тут же устыдилась этой мысли.

12

Похоронив сестру Соню, настоятельница и монахини заперлись в трапезной, взяв с собой еду и одеяла, и стали молиться, прижимаясь одна к другой, чтобы защититься от страха и холода. Когда огонь свечей стал слабеть, женщины уснули.

Поздно ночью они слышали вдалеке чьи-то крики, но решили, что это ветер воет на стенах монастыря. На рассвете сестру Изору, чья постель была холодна, нашли прибитой гвоздями к двери свинарника, с распоротым животом и широко раскрытыми глазами.

Монахини проливали слезы, непрерывно перебирали четки и читали молитвы, умоляя Бога о милосердии, но, несмотря на это, было еще двенадцать таких же ночей. На рассвете каждого нового дня Зверь убивал еще одну монахиню, перед этим истерзав ее душу и тело.

На рассвете тринадцатого дня Изольда похоронила останки сестры Брагансы, самой молодой послушницы. Потом она забрала из своей кельи череп и Евангелие от Сатаны в холщовом чехле и замуровала себя вместе с ними в подвалах монастыря с помощью кирпичей и раствора. Эта мужская работа заняла у нее весь день.

На закате Изольда закрепила последний камень и, ожидая первых признаков удушья, нацарапала на стене предупреждение, которое появилось перед ней в виде красных букв на обложке рукописи. Под ним она приписала строки, в которых назвала имя убийцы, который истребил всю ее общину:

**В ЭТИХ СВЯТЫХ СТЕНАХ ПОСЕЛИЛСЯ ГНУСНЫЙ ВОР ДУШ,
БЕЗЛИКИЙ И БЕССМЕРТНЫЙ ЗВЕРЬ, РЫЦАРЬ ПРЕИСПОДНЕЙ.
ЕГО ИМЯ КАЛЕБ-СТРАННИК.**

Ниже она написала просьбу к тому, кто через сотни лет обнаружит ее останки. Настоятельница умоляла этого человека передать евангелие и останки Бога тем, кто будет возглавлять

Римско-католическую церковь в его время, и вручить их лично его святейшеству папе, который будет править в Авиньоне или Риме, и никому другому. Если же Церковь не переживет великую черную чуму, то пусть тот, кто найдет эти реликвии, бросит их в огонь в кузнице.

Сделав это, она стала ждать, когда наступит темнота и проснется Вор Душ.

13

Это всегда случалось на закате, в тот час, когда тень колокольни касалась кладбища. Вечером двенадцатого дня мать Изольда и сестра Браганса укрылись на вершине главной башни монастыря, и настоятельница почти не отходила от окна, из которого были видны могилы убитых монахинь.

В эти смертоносные ночи их могилы одна за другой были осквернены, и это выглядело так, словно та, которая умерла накануне, выходила из земли и убивала следующую жертву. Эта безумная мысль возникла в уме матери Изольды в то утро, когда она, волоча на кладбище труп сестры Клеменции, увидела разрытую могилу сестры Эдиты, убитой накануне, – кучу земли возле могильной ямы и отпечатки испачканных кровью голых ног вокруг трупа несчастной Эдиты. Следы этих же ног, но испачканных глиной, вели к келье Клеменции. Изольда и Браганса похоронили Клеменцию, и вечером в сумерках Изольда стала следить именно за этой последней могилой, которая находилась в стороне от остальных и была хорошо освещена уже взошедшей на небе луной. Вдруг настоятельнице показалось, что могильный холм шевельнулся и на поверхности возникла струйка свежей земли, словно кто-то раскапывал его изнутри. Среди пятен света и тени Изольда разглядела сначала пальцы, потом ладони и запястья, край погребального покрова и рукав савана. А потом увидела лицо сестры Клеменции. Рот умершей был забит землей, волосы испачканы глиной, глаза широко раскрыты.

Та, кто раньше была Клеменцией, освободила из-под мешавшего ей покрова свои плечи. Последняя струйка песка высыпалась на поверхность, когда это существо выбиралось из могилы. Мертвая подняла глаза и взглянула на Изольду. Настоятельница с ужасом вспомнила, что бывшая Клеменция улыбнулась ей, открыв зубы, между которыми застряла земля. А потом, хромая, исчезла в темноте ночного монастыря.

В полночь сестра Браганса застонала во сне. Именно в этот момент Изольда услышала шаркающие шаги Клеменции на лестнице башни.

14

Легкие матери Изольды уже вдыхали больше углекислого газа, чем кислорода, и она задыхалась. Свеча горела так слабо, что от ее света осталась лишь оранжевая точка в темноте. Вот и этот огонек качнулся и погас. Фитиль с треском догорел, и тьма сомкнулась вокруг беззвучно плакавшей монахини.

Кто-то скребся в стену с другой стороны. Изольда задрожала от страха. Потом она снова услышала голос Брагансы. Теперь он был приглушен толстой стеной, но звучал гораздо ближе. Ощупывая рукой стену, послушница прошептала, как ребенок, который играет в прятки в темноте:

– Перестаньте убегать, матушка. Идите к нам. Мы все здесь.

На шепот Брагансы ответили, тоже шепотом, другие голоса. У матери Изольды волосы на затылке встали дыбом. Она узнала хихиканье сестры Сони, заикание сестры Эдиты, отвратительный скрип зубов сестры Марго и нервные смешки сестры Клеменции, чья жуткая посмертная улыбка до сих пор стояла у нее перед глазами. Двенадцать пар мертвых рук ощупывали стены одновременно с руками Брагансы.

Когда скребущие звуки приблизились к ней и замерли, старая замурованная монахиня перестала дышать, чтобы не выдать, где находится. Тишина. И тут Изольда услышала, как кто-то за стеной принюхивается к воздуху. В темноте снова прозвучал шепот Брагансы:

– Я чувствую тебя.

Новое принюхивание, более настойчивое.

– Ты меня слышишь, старая свинья? Я чувствую твой запах.

Изольда была готова застонать от ужаса, но подавила стон.

Нет, Зверь, который завладел телом Брагансы, не чувствует ее запах. Иначе он не дал бы себе труда окликать ее.

Настоятельница изо всех сил цеплялась за эту мысль. Руки мертвых монахинь снова начали ощупывать стену. Мать Изольда поняла, что ее дыхание от нехватки воздуха стало хриплым. Этот хрип, который вырывается из ее груди, она не может подавить, и он ее выдаст. Слезы сожаления потекли по ее щекам. Мать Изольда сжала руки на собственной шее. И чтобы не выдать место, где находилась она и Евангелие от Сатаны, красные буквы которого слабо светились во мраке, она задушила себя собственными руками.

Часть вторая

15

Геттисберг, штат Мэн, наши дни

Полночь. Специальный агент Мария Паркс крепко спит. Она приняла сразу три маленькие розовые таблетки снотворного и запила джин-тоником, чтобы ослабить их горечь. Уже много лет она выполняет этот свой обряд – каждый вечер глотает дозу искусственного сна, лежа в постели и переключая телевизор с одной новостной программы на другую. Потом, когда изображения на экране расплываются перед ее глазами, а мозг начинает работать медленно и вяло, она гасит свет и старается не думать о видениях, которые вспыхивают в ее уме среди сна, как мгновенные фотографии на черном фоне. Главное – не думать. Не думать о молодой женщине со светлыми волосами, которой неизвестный мужчина распарывает живот на паркинге в Нью-Йорке, о бездомном бродяге, который лежит среди мусорных бачков, о мертвой девочке, которую испачканные кровью руки только что оставили на свалке в пригороде Мехико. Не думать о разрывающем уши нестройном хоре криков и всхлипываний, который начинает звучать в ее голове, когда она сжимает кулаки, чтобы уснуть. Она видит убийства точно передачи в прямом эфире и может лишь бессильно смотреть, как это происходит у нее перед глазами. Или, вернее, видеть их чужими глазами. Это и есть самое ужасное: если в момент, когда она засыпает, происходит убийство, Мария видит его глазами жертвы. И видит так подробно, что ей кажется, будто убивают ее.

Чтобы изгнать из ума эти зародыши ужаса, которые идут в наступление на ее мозг каждый раз, когда она гасит свет, Мария Паркс сосредоточивает свое внимание на воображаемой точке между бровями. Китайцы говорят, что именно через эту точку движутся потоки энергии. Это хороший способ заставить молчать голоса в своем мозгу. Как будто уменьшаешь звук радио, только в мозгу нет кнопки, которую можно нажать. Есть только точка между глазами, на которой Мария упорно сосредоточивает свое внимание, когда находится под действием снотворных, пока не теряет сознание. Потом она на несколько часов погружается в глубокий сон. Передышка продолжается несколько часов. Потом действие снотворного слабеет, и она начинает видеть во сне топоры и куски разрубленных тел, выпотрошенные животы и трупы детей. Мария Паркс, агент ФБР, специалист по составлению психологических портретов (теперь эту профессию называют «профайлер»), неумоимо идет по следу серийных убийц и каждую ночь видит во сне их преступления.

Призраки Марии – серийные убийцы, массовые убийцы и шальные убийцы.

Серийные охотятся за людьми своей национальности и убивают их одного за другим, выбирая жертвы одного и того же типа. Таким был Эдвард Соренсон, обычный отец семейства и скульптор-любитель, убивавший девочек-подростков. Он их похищал, душил, а потом лепил их статуи из скульптурной смеси. Так вел себя и Эдмунд Стерн, грузчик, который хранил в коробках из-под обуви целую коллекцию убитых им младенцев. У всех серийных убийц похожее прошлое – ревнивая мать, кровосмесительное насилие, побои, насмешки и придирки. Каждый день на ребенка проливаются потоки ненависти, и он впитывает в себя эту ненависть. Став взрослым, этот зверь начинает убивать тех, в ком видит отражения своих несбывшихся надежд, – блондинок, проституток, вышедших на пенсию учительниц, девочек-подростков или младенцев. В сущности, серийный убийца убивает собственное отражение, а жертвы – зеркала, которые он разбивает.

Второй тип – массовые убийцы. Они устраивают чудовищную и непредсказуемую резню, убивают человек десять сразу. Таким был Герберт Стокс, который внезапно начал распарывать животы беременным брюнеткам. Двенадцать молодых женщин за одну ночь, все в одном и том же квартале. Массовые убийцы подчиняются разрушительному порыву, который, как им кажется, приходит свыше. Это экзальтированные люди, уверенные, что слышат голос Бога.

Шальные убийцы – это психически неуравновешенные типы, которые стараются убить как можно больше людей в разных местах и за очень короткое время. Они пускаются в бешеный загул на один день и на рассвете следующего дня пускают себе пулю в висок.

Вот вроде бы все экспонаты музея убийц. Но в любой иерархии должен быть главный. В пригородной саванне и городских джунглях должен быть свой царь зверей. Такой идеальный убийца, царь убийц, которому должны были бы поклониться все другие убийцы, называется кросс-киллер, то есть убийца-путешественник.

Такие убийцы переезжают с места на место. Это хищники, которые меняют места охоты. Одно убийство в Лос-Анджелесе, второе в Бангкоке, и зима под солнцем на Карибах в одной из тех гигантских гостиниц, где собираются толпы туристов.

В ФБР считают, что убийца-путешественник – это серийный убийца, накопивший денег на путешествие вокруг света на самолете. Но это не так. Серийный убийца действует под влиянием порыва и убивает, чтобы погасить этот порыв. Это психопат, выполняющий привычный обряд, чтобы успокоиться. Он издевается над своими жертвами, он разрубает их на куски после того, как убил. Это напуганный когда-то мальчик, который теперь сам пугает других. Он оставляет после себя достаточно следов и легко попадает, потому что у него голова кружится от наслаждения своей мстостью. Кроме того, серийный убийца не любит переезжать с места на место. Это домосед, который убивает в своем квартале, паршивый пес, который перегрызает плотки овцам хозяйского стада.

А убийца-путешественник – странствующий пожиратель трупов, огромная белая акула, которая плывет по течению в поисках добычи. Он находится на вершине пищевой цепочки. Это хладнокровное существо, которое выбирает цели и контролирует свои эмоции. Он никогда не дает воли своим чувствам, он не слышит голоса и не подчиняется Богу. У него нет счетов, которые надо свести, нет желания взять за что-то реванш. Этот человек был единственным или старшим сыном в счастливой семье. Отец не насиловал его, мать не любила с той кровосмесительной нежностью, от которой у сына перекашиваются мозги. Никто его не бил. Он таким родился: над его колыбелью наклонялись не феи, а ведьмы.

Убийца-путешественник такой же сумасшедший, как серийный, массовый или шальной убийца. Но в отличие от них он знает, что он сумасшедший. Именно это острое ощущение того, что он не нормален, позволяет ему компенсировать свое безумие очень разумным поведением. Его сознание перекошено, но находится в равновесии. Он может быть вашим соседом, вашим банкиром или бизнесменом, который всю неделю спешит с одного самолета на другой, а по воскресеньям играет в теннис со своими детьми. Он – примерный член общества. Он не был под судом, у него есть хорошая работа, красивый дом и спортивная машина. Он путешествует для того, чтобы запутывать свои следы и наносить удар там, где его не ждут.

Если вы не подходите под образ жертвы, который создал себе серийный убийца, вы можете без всякого риска встретиться с ним, даже выпить с ним по чашке кофе или посадить его в свою машину на обочине безлюдной дороги и подвезти куда-нибудь. Но убийцу-путешественника – нет. Этот зверь ест тогда, когда голоден. А голоден он всегда.

Именно на поимке таких путешествующих хищников специализируется Мария. Тысячи километров в самолете, сотни ночей в гостиницах всех стран мира, тысячи часов в засадах на кладбищах или в сырых лесах. Десятки трупов и множество призраков. Вот любимая дичь Марии – женщины, которая плачет во сне, громко кричит и просыпается мокрая от пота, со

слезами на лице каждый раз в одно и то же время – в четыре часа утра. Каждую ночь в этот час специальный агент Мария Паркс отказывается засыпать снова.

16

0:10. Мария дышит спокойно и ровно. Медикаменты поддерживают ее мозг в состоянии глубокого сна. Он словно окутан бесцветным туманом, внутрь которого не проникает ни чего из внешнего мира. Сновидения еще не начались. Но тревожные образы, живущие в ее подсознании, уже пытаются проникнуть за химическую преграду, созданную снотворным. Так грязная вода поднимается из канализации по сточной трубе. Это видно по тому, как Мария едва заметно вцепилась пальцами в простыни, по ее дрожащим векам и морщинам на лбу. Скоро она перейдет в парадоксальную фазу сна – в тот его этап, на котором чудовища, живущие в ее подсознании, вырываются наружу.

Несколько образов уже всплыли на поверхность. Это серые картины, похожие на фотографии, в них еще нет эмоций. Нога, которая качается на поверхности волн между небом и водой, расплывчатое лицо, бутылочка с прокисшим молоком, брошенная возле плетеной колыбели, выбитые зубы и ярко-красные пятна на эмали умывальника. Понемногу эти куски складываются в одну картину и приходят в движение.

Вдруг у Марии перехватывает горло. Несколько капель адреналина попадают в ее кровь и растекаются по артериям. И вот ее дыхание становится чаще, пульс немного ускоряется, ноздри расширяются, голубые вены на висках наполняются кровью. Образы соединяются между собой и оживают. Скоро начнутся кошмары – такие правдоподобные, такие достоверные, что в них точно воспроизводятся даже запахи.

Мария вдыхает окружающий ее воздух. Запах шампуня с липовым цветом, оставшийся на ее подушке, исчез. Аромат благовонной палочки, которую она зажигает каждый вечер, чтобы прогнать запах холодного табака, испарился. Вместо них она ощущает запахи клубничной жвачки и дешевой косметики, которая пахнет ванилью и гранатовым сиропом.

Осязание во время этих кошмаров тоже очень острое. Головокружительное ощущение, что то, к чему ты прикасаешься, существует на самом деле. Она спускает одну ногу с кровати и касается ступней пола. Вместо тикового дерева, из которого сделан пол в ее комнате, нога касается шероховатой поверхности дешевого паласа.

И наконец возникает ощущение собственного тела. Странно, но Мария чувствует, что помолодела. Ее бедра похудели, колени стали более острыми, живот более круглым, а грудь сделалась меньше. Половой орган тоже сделался более узким, еще нетронутым.

Мария проводит пальцем по волдырю от комариного укуса, который чешется у нее под коленкой, и морщится от судороги в икре и подергивания в затылке. Ей очень хочется пойти в туалет, но боязнь встать подавляет это желание. Ей страшно до жути.

Началось: ее горло пересохло, желудок словно кто-то завязал узлом. Она открывает глаза. Перед ней не та комната, где она уснула, а другая – меньше, темнее и холоднее. Легкий сквозняк колышет хлопчатобумажные шторы, и они ударяются об оконные стекла. На фоне красного светящегося ореола, который окружает циферблат кварцевого будильника, видны округлые контуры чашки с ромашковым отваром. Она слышит ласковое бульканье пузырьков воздуха, который поступает из регулятора в аквариум, и жужжание мухи, которая бьется о стены.

С полки на Марию глядят сидящие в ряд фарфоровые куклы. Она видит, как их веки поднимаются и стеклянные глаза начинают сверкать в темноте. Их маленькие руки тянутся к ней. Между восковыми губами светятся острые зубы.

Пол несколько раз скрипит, словно что-то трется об него. Крышка ивового сундука приподнимается, и из его плюшевого нутра вылезают десятки пауков и скорпионов. Они начинают ползти к ней. Она стучит зубами от страха и сжимается в комок, подтянув колени к животу.

Потом проводит руками по волосам и холодеет от другого ужаса: ее собственные волосы короткие, а эти длинные и густые. Тяжелые приятно пахнувшие пряди приподнимаются над кожей головы, скользят между пальцами и снова падают на подушку. Куклы шепчутся в темноте. Скорпионы, цепляясь за одеяло, лезут на кровать. Вдруг Мария слышит мурлыканье кота, который притаился где-то в темноте. Комнату наполняет запах сардин и мусора. Кровь застывает у нее в жилах. Это мурлыкает Попперс, большой сиамский кот Джессики Флетчер, девочки-подростка, которая была убита двенадцать лет назад. В ту ночь ее отец мистер Флетчер сошел с ума и убил всю свою семью.

Глаза кукол мигнули и погасли. Пауки мягко упали обратно на пол, скорпионы вернулись в сундук для игрушек, он скрипнул и закрылся. Готово. Кошмар может начинаться.

17

Мария вошла в тело Джессики. Ей снится, что ее глаза открыты и что она во что бы то ни стало должна снова заснуть, чтобы прекратился этот полуночный кошмар, самый худший из всех кошмаров. Но как можно уснуть, если уже спишь?

Она прислушивается. В соседней комнате плачет младенец. Голос мистера Флетчера монотонно поет колыбельную. Через перегородку из гипса Мария слышит назойливую музыку, которой озвучен мобиль – подвижная подвеска для игрушек, прикрепленная к кроватке младенца. И скрип кровати-качалки, которую раскачивают, чтобы заставить уснуть младенца. Но малыш громко кричит и даже икает от гнева и ужаса, пока мистер Флетчер тянет свой колыбельный напев. Хотя слова песни ласковые, их тон холоден как лед. Потом младенец делает передышку и издает непрерывный вопль, от которого у Марии начинает звенеть в ушах. Колыбель начинает скрипеть чаще, Мария слышит другие звуки – приглушенный звон металла. Как будто ножницами отрезают кусок от подушки. Младенец задыхается, его вопли затихают. Скрип колыбели становится медленнее и наконец прекращается. Наступает тишина.

Тапочки шуршат по паркету коридора. Мистер Флетчер, как всегда по вечерам, обходит комнаты своего дома, проверяя, спят ли его дети. До слуха Марии долетает слабый испуганный голосок. Это проснулся от скрипа колыбели Кевин, младший брат Джессики. Папа говорит ему «тсс», укладывает обратно в постель, и Мария с ужасом снова слышит те же металлические звуки. Снова наступает тишина. Только мистер Флетчер что-то напевает в темноте.

Мария прячется под одеяло. Она слышит шорох тапочек по коридору и визг дверной ручки, которая опускается под его рукой. Через щель между веками полуоткрытых глаз она видит силуэт отца. Мистер Флетчер стоит в дверном проеме, на нем его нарядный костюм-тройка, лицо у него потное. Она замечает, как блеснуло лезвие ножа, которое он прикрывает испачканным в крови рукавом. А потом она видит главное – его глаза, мертвые, как у фарфоровой куклы.

Мария во что бы то ни стало должна снова заснуть, должна выйти из тела Джессики. Она слышит свистящее дыхание мистера Флетчера, который приближается к кровати. Он наклоняется над ее лицом, и она чувствует его запах. Его большая ладонь проскальзывает под одеяло, гладит ее ноги, поднимается по бедрам и выше по ее телу. Она чувствует на коже липкий след, который оставляет эта ладонь. Она слышит голос мистера Флетчера – грубый свистящий голос, злой и печальный:

– Джессика, ты спишь?

Мария притворяется, что спит. Она знает, что, если папа Джессики поверит, будто она спит, он, может быть, оставит ее в живых. Она чувствует, как его рука трясет ее, чтобы разбудить, ощущает на своей щеке его дыхание. Оно резко пахнет виски, жареными фисташками и рвотой. Папа Джессики напился. Папа Джессики разбудил чудовище, которое ест детей. Его грубый голос шепчет в темноте:

– Не вороти от меня нос, маленькая б...дь. Я отлично знаю, что ты только притворяешься, будто спишь.

Мария чувствует, как холодные словно лед губы мистера Флетчера шевелятся совсем рядом с ее губами. Слезы ужаса блестят в уголках ее глаз, и от них ее веки тяжелеют. Она знает, что не сможет сдержать эти слезы.

– Отлично, дорогая Джессика. Я дуну тебе на глаза. Если твои веки зашевелиятся, значит, ты не спишь.

Мария изо всех сил сжимает кулаки, чтобы удержать слезу, которая блестит между ресницами. Она чувствует легкую струю воздуха на веках: папа Джессики дунул на них. Они вздрагивают, и слеза стекает по ее щеке. Мистер Флетчер улыбается в темноте.

– Теперь мы оба знаем, что ты только притворяешься, будто спишь. Я дам тебе время хорошо спрятаться. Буду считать до тридцати, а когда закончу, убью тебя, если найду.

Мария не может сдвинуться с места. Она слышит, как грубый голос мистера Флетчера начал считать в темноте. Он считает в обратном порядке, и Мария начинает чувствовать действие снотворного, которое снова сконцентрировалось в ее мозгу и постепенно берет над ним контроль. Голос звучит как будто издалека. Нож блестит в темноте и поднимается вверх. Потом его блеск слабеет. Мистер Флетчер закончил считать. Мария, дрожа от ужаса, ощущает, как лезвие пробивает ее кожу и вонзается во внутренности. Но вместо боли она чувствует лишь слабое жжение – как будто это не сам удар, а приглушенное памятью воспоминание о нем. Так и есть, снотворное снова начало действовать. Кошмар рассыпается, образы разъединяются. Мария снова погружается во мрак. Это был полуночный кошмар.

18

Мария начала видеть кошмары после того, как попала в автомобильную катастрофу. Ее автофургон для кемпинга на полной скорости лоб в лоб столкнулся с тяжелым грузовиком. За рулем фургона был Марк, ее спутник жизни. Их маленькая дочь Ребекка сидела между ними, пристегнутая ремнями к детскому креслу. Марк и Мария спорили. Марк выпил немного лишнего на новоселье семьи Хенкс, которая переехала в один из престижных кварталов Нью-Йорка. В дорогой дом с просторным садом «протестантской» планировки и соседями, играющими в гольф. Главным основанием для выбора была цена квадратного метра площади.

Патрик Хенкс, друг детства Марка, только что перешел на работу в один из крупных банков Манхэттена. Он в три раза увеличил свою зарплату, получил служебный «кадиллак» и одну из тех социальных страховок, которые превращают болезнь в выгодный объект для инвестиций. Не говоря уже про дом с обшивкой из дуба на стенах и с колоннадами, который стоил около миллиона долларов. Так что у Марии и Марка было из-за чего ругаться на обратном пути в штат Мэн. Хенксы попросили Марка загнать его потрепанный фургон в гараж, чтобы их очень уважаемые соседи не подумали, будто в квартале собираются устроить стойбище индейцы навахо. Ну и гараж! Там хватило бы места еще на три таких фургона! Марку показалось, что он паркует машину в соборе. Он проглотил обиду и теперь, дождавшись возвращения, срывал злость на Марии. Он вел машину быстро – слишком быстро.

Несчастный случай произошел на федеральной автостраде 90, в нескольких километрах от Бостона. Тридцатитонный грузовик занесло на обледеневшем участке покрытия, развернуло поперек дороги, и все бревна, которыми он был нагружен, посыпались на проезжую часть. Марк даже не успел затормозить.

Мария прекрасно помнила бревна, катившиеся по битумному покрытию, и последний миг перед столкновением. Время замедлилось, и эта доля секунды превратилась в целую вечность. О ней у Марии остались лишь отрывочные воспоминания, словно мгновенные фотографии, на черном фоне.

Удар был таким сильным, что Марии показалось, будто она зеркало и разбилась на осколки. Передняя часть фургона врезалась в бревна и разлетелась на куски. Кабина раскололась на тысячу обломков. То же случилось и с воспоминаниями Марии. Миллионы осколков стекла подпрыгивали на асфальте, и миллионы маленьких обломков памяти сыпались из ее мозга – запахи детства, цвета и образы. Вся ее жизнь, покидавшая тело. Удары сердца становились все реже. Потом ее охватил огромный, неизмеримый холод.

19

Мария два месяца пролежала в глубокой коме, борясь за жизнь в реанимационном отделении бостонской больницы Черити. Два месяца клетки ее мозга вели беспощадный бой, чтобы не вернуться в еще более глубокую кому, из которой ее вытащили врачи. Два месяца она провела в сумерках своего собственного мозга. Тело Марии перестало действовать: ее мозг оборвал все связи, соединявшие его с этим мертвым набором мышц. Но ее сознание каким-то загадочным образом уцелело. Так иногда один предохранитель продолжает работать, когда все остальные сгорели. Мария слышала приглушенные звуки рядом, чувствовала, как струи воздуха касаются ее лица, улавливала слухом городские шумы, долетавшие в ее палату через полуоткрытое окно, видела движения медсестер возле своей постели. Но все это было как будто очень далеко от нее.

Ее подключили к аппарату искусственного дыхания. Она чувствовала, как врывается в ее горло воздух при каждом искусственном вдохе машины, ощущала давление поршня, которое раздвигало легкие, а потом давало им выпустить отработанный воздух наружу перед тем, как аппарат вдует в них новый. Она слышала шуршание меха, который двигался вверх и вниз внутри своего стеклянного корпуса, скрип электрокардиографа, соединенного с аппаратом. Звуки этого синтетического мира долетали до нее словно через слой бетона или через мраморную плиту. Как будто Мария, заточенная в собственном теле как в тюрьме, лежала на сатиновой обивке гроба, и гроб уже закрыт, и ее скоро опустят в темную ледяную могилу. Как будто переутомившийся врач констатировал смерть ее тела, но не стал выяснять, жив ли мозг, и подписал разрешение на ее похороны. И она, живой мертвец, навсегда осуждена блуждать внутри себя самой, и никто не услышит, как она кричит в темноте.

Временами, когда на больницу опускалась ночь, Марии удавалось уснуть. Тогда она слышала во сне стук дождя по мрамору ее надгробной плиты и птиц, которые прилетают на могилу клевать зерна, принесенные ветром. Случалось даже, что ей снился скрип щебня под ногами одетых в траур посетителей кладбища.

Иногда ее измученное сердце вдруг переставало биться, и остаток сознания начинал колебаться, как огонь свечи, Мария умирала во сне. Она отдавала себя на волю неизмеримого холода, который снова ее охватывал. А потом ее ум собирал последние силы, как обезумевший от страха ребенок среди ночи. Когда включалась тревожная сигнализация, Мария вопила от страха, но этот крик никогда не мог вырваться за пределы ее губ.

Когда начинали звучать сигналы тревоги, слух Марии улавливал чьи-то голоса. Они доносились издалека – так человек, плывя под водой, слышит разговор на берегу. Эти испуганные голоса прилетали ниоткуда, окутывали ее и заливали, как вода. Каждый раз она чувствовала, как чьи-то руки срываю с нее сорочку и массируют сердце, едва не ломая грудную кость, чтобы заставить переполненную кровью сердечную мышцу снова сокращаться. Иглы прокалывают ей вены. Сначала легкое пощипывание, потом невыносимое жжение: синтетический адреналин распространяется по ее организму. После этого на ее груди ложатся две металлические пластины, и в воздухе раздается пронзительный свист. Далекий голос кричит что-то, чего Мария не понимает, и ее тело резко изгибается под ударом белой молнии – электрического разряда. Она слышит скрип электрокардиографа, который резко рванул вперед, и свист дефибрилля-

тора, наполняющего аккумуляторы для следующего разряда. Металлические пластины трещат на ее коже. Трах! Новая белая молния вспыхивает у нее в мозгу. Ее сердце сокращается, останавливается, снова сокращается, опять останавливается. Потом оно беспорядочно вибрирует и наконец начинает раз за разом сокращаться и расслабляться. Каждый раз, когда ее сердце снова начинало работать, Мария чувствовала, как ледяная струя кислорода снова проникает в ее горло и расширяет легкие, как раздуваются артерии и вернувшаяся на свое место кровь бьет в виски. В тишине начинал как молот стучать ее пульс. Наконец голоса вокруг нее затихали, и чья-то холодная рука вытирала пот с ее висков. Мария, заточенная внутри себя самой, как в тюрьме, начинала плыть между жизнью и смертью. Испуганная до ужаса Мария никак не могла умереть.

Очнувшись, она узнала о смерти Марка и Ребекки. Марк несколько дней умирал в соседней палате. А маленькую Ребекку удар отбросил так далеко, что спасатели нашли от ее тела лишь несколько обугленных кусков.

Мария не помнила их лица. Свое лицо она тоже не помнила. Когда в первый раз встала со своей больничной постели, в ванной не узнала собственное отражение в зеркале. Длинные черные волосы, белая как фарфор кожа, большие серые глаза, которые смотрели на нее; плоский живот, половые органы и бедра, которых касались ее пальцы, чтобы узнать; руки, мышцы которых болели от напряжения, и эти, похожие на кукольные, ладони, которые она поворачивала в разные стороны перед глазами, – все это не было частью ее самой. Как будто это тело было лишь одеждой из кожи и мышц – комбинезоном из плоти, который был надет на настоящее тело и покрывал его полностью. Мария даже попыталась сорвать с себя ногтями эту «одежду».

Тридцать месяцев она заново училась ходить, говорить и думать. Тридцать месяцев искала, для чего ей жить дальше. Потом вернулась в свое подразделение федеральной полиции.

20

Когда она вышла из больницы, ее назначили в бостонское отделение ФБР, в отдел розыска пропавших без вести. Полные жизни мальчишки и девчонки исчезали из дома, и никто ничего не видел – ни сосед, ни бомж, ни даже почтальон или развозчик молока. Последний полдник на кухонном столе, последний стакан газировки, потом ребенок вскакивает на свой совершенно новый горный велосипед с переключателем скоростей «Шимано» на двенадцать скоростей, натягивает на голову свою самую красивую бейсбольную кепку, опускает в задний карман брюк набор карточек с фотографиями любимой команды – «Янки» или «Доджерс». Мама кладет ему в рюкзак баночку кока-колы лайт и завернутый в целлофан сэндвич с арахисовой пастой. Он съезжает вниз по улице, останавливается по сигналу «стоп», потом поворачивает влево – и исчезает, словно его проглотил асфальт. Или словно его унесло чудовище.

Вот что случилось с Бенни Медигеном, мальчиком из пригорода Портленда. Дело о его исчезновении в отделе розыска пропавших без вести имело номер 2412. Бенни уехал из своего дома в гости к другу, у которого собирался провести вечер и переночевать. От двери до двери было четыре километра. Дорога могла быть только одна – четыреста метров вниз по Статтон-авеню, потом поворот влево на Юнион-стрит, затем прямо по ней, справа остается супермаркет «Вал-Март», потом, после кафе «Старбакс», снова поворот налево, на Текиллан и дальше по нему до его пересечения с Нортридж-Роуд, улицей, по обеим сторонам обсаженной платанами, где друг Бенни живет в доме 3125 – особняке колониального стиля. Это маршрут, единственно возможный, состоял из прямых линий и перекрестков; и те, кто вел расследование, прошли по нему сотни раз.

В 18:07 Бенни Медиген сел на велосипед и отъехал от своего дома. Это известно благодаря старухе Мардж, которая прогуливает собак всегда в одно и то же время. Она видела, как Бенни катил на велосипеде по Статтон-авеню, вопя, как индеец. Мардж не любит детей,

она предпочитает собак. Именно поэтому она запомнила Бенни, его красную куртку и рюкзак фирмы «Найк».

В 18:10 Бенни остановился на красный свет на перекрестке Статтон-авеню и Юнион-стрит. Это известно потому, что в этот час Брет Митчел, друг семьи Медиген, открыл окно своего полноприводного автомобиля, чтобы поздороваться с Бенни. Мальчик в ответ поздоровался с Митчелом, они обменялись несколькими словами, потом включился зеленый сигнал светофора, Бенни вытянул руку влево, показывая, что собирается свернуть на Юнион-стрит. Последний гудок. Продолжая ехать по Статтону, Брет Митчел смотрел, как мальчик удалялся от него по торговой улице Юнион. Он видел Бенни в последний раз.

В 18:33 Бенни выходит из магазина «Вал-Март» на Юнион-стрит, перед которым он остановился, чтобы купить леденцы и хлопушки. Видеозаписи, сделанные аппаратурой магазина, не оставляют никаких сомнений. На них видно, как мальчик ищет любимые сладости на полках. А также видно, как он крадет журнал и прячет его под одеждой. Потом он подходит к кассе, протягивает кассирше пятидолларовую банкноту, кладет в карман сдачу и выходит из магазина.

В 18:42 Бенни Медиген миновал кафе «Старбакс» на Юнион-стрит. Рейчел Портер, подруга его матери, в этот момент пила капучино на террасе. Она подняла голову точно в тот момент, когда Бенни проезжал мимо, – из-за того, что скрипнул один из дисков в переключателе скоростей его велосипеда. Увидев сына подруги, она помахала ему рукой, но Бенни не заметил ее: все его внимание было сосредоточено на рычаге скоростей. Он включил пятую скорость, цепь покинула четвертый диск переключателя, и писклявый скрип прекратился. Бенни выпрямился в седле и помчался вперед как бешеный.

Рейчел Портер вспомнила, что подросток в тот день был одет в мешковатые джинсы, из-под которых виднелись белые носки. Еще она вспомнила, что дополнительный противоугонный замок с секретом стучал о руль. Потом Бенни свернул налево, на Текиллан. Было 18:43. Ему оставалось проехать всего километр. Но этот километр оказался дорогой в никуда, невидимый туннель вне времени, который поглотил Бенни Медигена.

В 19:30 мать Бенни позвонила в дом 3125 по Нортридж-Роуд, чтобы убедиться, что ее сын благополучно приехал к другу. Но родители друга ничего не понимали: в 18:50 (это время подтверждает выписка из журнала оператора телефонной сети) Бенни позвонил им по своему мобильному телефону и сказал, что проколол шину на перекрестке Текиллана и Нортриджа. Отец друга спросил, не прийти ли ему за Бенни, но мальчик ответил, что у него есть баллончик герметика для шин и он справится сам. Потом сказал им «до свидания», и связь прервалась. Вот и все. Хотя – нет. Как раз перед тем, как Бенни закончил разговор, отец услышал по телефону шум тормозов: какой-то автомобиль затормозил рядом с мальчиком. Потом он слышал шум опустившегося стекла (автоматика открыла окно) и мужской голос, едва слышный из-за шума проезжавших машин. Водитель спросил у Бенни дорогу. Мальчик что-то ответил, потом сказал «до свидания» отцу своего друга и закончил телефонный разговор. Несомненно, он хотел указать автомобилисту нужное направление. И больше ничего не известно.

После Рейчел Портер, которая заметила Бенни с террасы кафе «Старбакс» на Юнион-стрит, больше никто не видел Бенни. Никто не знает, что произошло на отрезке в четыреста метров между перекрестком и домом 3125 по Нортридж-Роуд. Ни один свидетель не заметил исчезновения Бенни, хотя чуть раньше его видело столько людей. Ничего не знали даже на заправочной станции на углу.

Через несколько часов полиция обнаружила велосипед Бенни Медигена в тупике, отходившем под прямым углом от Нортридж-Роуд, на двести с лишним метров дальше дома 3125. Ни трупа, ни одежды, никаких следов сладостей, купленных в «Вал-Марте», или рюкзака «Найк».

Полиция поставила оцепление на дорогах, надеясь обнаружить таинственного водителя, спросившего дорогу у Бенни. Полицейские обыскали все леса, пруды и русла рек. Но все было безуспешно. Тогда полиция передала досье Медигена в отдел ФБР по розыску пропавших. Так это дело легло на письменный стол Марии Паркс и попало в стопу папок с нераскрытыми делами. Оказалось между сообщением о пропаже восьмилетней Аманды Скотт, которая точно растворилась в окрестностях Далласа, когда пошла за тележкой для товаров, и делом тринадцатилетней Джоанны Каприски, которая бесследно исчезла из кинотеатра в Кендале, штат Алабама, посреди сеанса. Старые дела, которые были прекращены, когда прошли судьбоносные пятнадцать дней и шансы найти ребенка стали равны нулю.

Сидя за своим письменным столом в Бостоне, Мария Паркс просматривала новые дела пропавших без вести. Случайно ей попало дело девочки, для которого только что закончились эти пятнадцать дней. Именно ее Мария и увидела в своем первом видении.

21

Девочку из видения звали Мередит. Восьмилетняя Мередит Джонсон исчезла за пятнадцать дней до этого, по пути домой из школы. Пятнадцать дней люди безуспешно прочесывали лес и обшаривали пруды. Пропавшая девочка – одна из сотен детей, чьи следы внезапно терялись.

Мередит жила в Беннингтоне – жалком городке, который затерялся в Зеленых горах, в штате Вермонт. Волосы у девочки были белые. Пухлые щеки и полноватая фигура выдавали ее любовь к молочным коктейлям и гамбургерам.

В день исчезновения Мередит была одета в желтые кеды фирмы «Адидас» и оранжевую куртку с капюшоном. Эту же куртку она гордо носила на фотографиях. На снимках были видны и металлические скобки для исправления прикуса на ее зубах. Этот забавный наряд привлек внимание Марии. Но еще сильнее ее внимание привлекло полное отсутствие свидетельских показаний. Как будто маленькая девочка в желтых кедах и оранжевой куртке может вдруг исчезнуть так, что никто ее не заметит. Именно тут что-то было не так в деле Мередит. Ребенку восемь лет, а он идет по улице один, и куртка на нем оранжевого цвета, и он живет в своем городке с самого рождения. В таком случае он обязательно, даже если сам не хочет, мелькнет у кого-нибудь перед глазами хотя бы на долю секунды, хотя бы в зеркале заднего обзора автомобиля или через занавеску на окне кухни. Хочет ребенок этого или нет, но его заметят, как было с Бенни Медигеном. Всегда найдется старая дама, которая выгуливает свою собаку, муниципальный служащий, который садовым пылесосом сметает с улицы сухие листья, продавец книг, который ходит по домам, предлагая Библии, или мастер по починке стиральных машин – кто-нибудь, в чьей памяти останется ваш образ и кто сохранит в ее уголке этот отпечаток. Всегда, кроме случая с Мередит Джонсон. Именно это отсутствие свидетельств не укладывалось в обычную картину преступления. Как будто серийный убийца много недель обдумывал ее похищение. В таком случае это близкий девочке человек или, по меньшей мере, житель Беннингтона. И этот хищник целые дни с утра до вечера следил за передвижениями девочки. Но и в этом случае кто-то должен был что-нибудь заметить. А тут – ничего. Как будто вдруг налетел смерч и унес девочку или ее поглотили зыбучие пески.

Мария прилетела самолетом внутренней авиалинии в Вермонт, потом взяла напрокат автомобиль и доехала на нем до Беннингтона. Там она расспросила прохожих и множество раз прошла по дороге от школы до дома Мередит. Никаких следов. Ни одного указания, даже самого малого, ни одного образа, даже смутного. Уже не осталось ни одного, даже маленького, воспоминания о Мередит Джонсон. Как будто эта девочка в желтых кедах и оранжевой куртке никогда не существовала и не жила в Беннингтоне.

Обессиленная и разочарованная Мария сняла номер в мотеле у выезда из города. И ночью увидела во сне Мередит.

22

Мария Паркс заснула перед экраном телевизора, смотря ток-шоу Ларри Кинга, а через несколько часов проснулась посреди пшеничного поля под луной.

Было холодно. Пшеницу на поле сжали несколько недель назад, а потом подожгли ровно обрезанные жаткой остатки сухих стеблей. Мария во сне вдохнула расширившимися ноздрями запах подгоревшего хлеба, который шел от земли. Потом она открыла глаза и увидела на горизонте силуэт ребенка. Девочка в оранжевой куртке шла вдоль границы леса, откуда наружу не проникают ни свет, ни звуки. Это была Мередит. Мария собиралась окликнуть ее, но услышала у себя за спиной топот звериных лап по обожженной земле. Она обернулась и увидела, что к ней бежит большой черный пес – старый ротвейлер. Он мчался с бешеной скоростью и щелкал зубами. Из его пасти капала слюна. Мария достает из кобуры пистолет, пригибается к земле и, когда пес пробегает мимо нее, выпускает в него полную обойму. Пули калибра девять миллиметров пробивают большие дыры в шкуре животного, но никакие раны не могут его остановить. Ротвейлер пробегает мимо Марии и прибавляет шаг, чтобы догнать Мередит, которая только сейчас заметила его.

Мария начинает кричать, но ветер заглушает ее слова. Она кричит девочке, чтобы та ни в коем случае не входила в лес, что именно лес создал этого зверя, чтобы заставить Мередит войти под деревья, что этот пес не настоящий и девочке достаточно закрыть глаза, чтобы он исчез.

Мария пытается бежать, но ноги ее стали тяжелыми и двигаются медленно, их трудно даже оторвать от земли. Такая пакость – обычное дело во сне. Она видит, как ветки раздвигаются перед испуганной девочкой и та вбегает в лес. Потом ротвейлер тоже исчезает среди деревьев, и ветки смыкаются за ним, словно укрывающие руки. Вдали раздается громкий крик. Мария чувствует ужас, охвативший Мередит. Сама она только что добралась до края леса и раздвигает стебли ежевики, которые загораживают ей дорогу. Мередит зовет на помощь, отбивается от кого-то. Вскоре у нее больше не остается сил. Она кричит в последний раз. Так кричат перед смертью. Потом снова наступает тишина, только ветер шелестит листвой.

Таким было первое видение Марии.

23

В следующие дни Мария продолжала видеть сны об этой девочке. Сны с каждым разом становились подробнее: она как будто начинала воспринимать мир через органы чувств Мередит – ощущать запахи цветов, дуновение ветра, дыхание леса.

А потом, однажды ночью, Мария просто вошла в тело Мередит, и это произошло мгновенно. Ей не снилось, как она сама смотрит на девочку, и не снилось, что она идет следом за Мередит по темному лесу. Нет, она стала Мередит. Мысли Мередит, ее детские радости и страхи, ее маленький круглый живот, бородавка на подошве, из-за которой Мередит прихрамывала уже несколько недель, заботы и тайны девочки принадлежали и Марии тоже. Мария – Мередит. Мередит – Мария.

В тот день, когда Мередит вошла в лес, ей только что исполнилось восемь лет, на ней была оранжевая куртка, нос у нее был заложен из-за простуды, в ее кармане лежали прилипшие к его дну старые мятные конфеты. И у нее болели колени из-за ее лучшей подруги Дженни, которая только что сбила ее с ног на школьном дворе. В тот день она была сердитой.

Таким было первое настоящее видение Марии. Это была не смутная греза и не картины, наложенные на плохие воспоминания. Это было полное проникновение друг в друга двух бодрствующих сознаний, превращение в другого человека, как под действием гипноза, ужасное ощущение, что ты растворяешься в чужом теле. Да, именно в этот момент Мария на одну ночь превратилась в Мередит.

Сначала возникли звуки и запахи. Оглушительный шум в школьном дворе. Мередит только что упала. Ее глаза закрыты. Девочка закрыла их, чтобы не вытекли наружу слезы, которыми они наполнены. Эти слезы – от гнева и стыда из-за того, что Дженни только что толкнула ее в спину, когда они играли в салки. Она упала на колени и ладони, как тупая дура. И мальчишки, конечно, увидели ее трусы. Мередит слышит, как они смеются ей в спину. У нее болят ладони, кожа на коленях словно горит. Она содрала кожу, и из ссадины сочится кровь. Двор посыпан гравием, и камешки разорвали ей колготки. Мама будет ругать ее за это.

Девочке хочется умереть. Лучше бы ее убили. Или сильно ранили. Лучше бы она сломала себе что-нибудь, повредила коленку или была ранена так, что кровь лилась бы рекой. Все лучше, чем по-дурацки грохнуться на землю во дворе и показать мальчишкам трусы. Мерзавка Дженни!

Мередит отважно глотает гнев и слезы. Она слышит смех своих товарищей, которые столпились вокруг нее, но ей не хватает мужества открыть глаза. Она слышит щелчки скакалок, топот ног, крики детей, которые гоняются друг за другом.

Вдали звонят колокола беннингтонской церкви. Мередит наконец открывает глаза, и в видении Марии появляется свет. Она начинает видеть окружающее глазами Мередит. И видит веселые лица, пальцы, которые указывают на нее, мальчишек, которые корчат рожи и едва не лопаются от смеха. И слышит нестройный хор криков, от которых ее слезы едва не вырываются наружу. Главное – не плакать! Лучше умереть, чем заплакать.

Учительница свистит в свой свисток, и это спасает девочку. Дети разбегаются. Больше никого не интересует пухлая девочка в оранжевой куртке, которая ворочается на земле двора.

Мередит встает, подбирает свой портфель и идет к воротам, где торопящиеся родители забирают своих детей. Скоро во дворе остаются только школьный сторож, который сметает сухие листья, и Мередит, которая ждет.

Девочка смотрит на церковь. Часы на колокольне показывают 16:10. Мама, как всегда, опаздывает. Мередит смотрит на свои грязные ладони и ободранные колени. Наклонившись, она замечает два пятнышка крови на разорванных петлях своих колготок. Ей хочется, чтобы мама поскорее пришла. Мередит хотела бы уткнуться лицом в мамины теплые руки и спрятать в них свои слезы.

В 16:15 сердитая и печальная Мередит застегивает молнию своей куртки и отправляется в путь. Она пересекает улицу, огибает церковь, идет через поля. Девочка решила пройти вдоль леса до фермы Хансонов, а потом по извилистой тропинке вернуться в городок и дойти до своего дома. Если идти медленно, на все это уйдет четверть часа. Ей как раз хватит времени подумать о том, как она отомстит этой дрянной Дженни.

И вот она уже на краю леса. В лесу темно и сыро. В нем живут привидения, этот заколдованный лес ест детей – так говорят взрослые, чтобы дети возвращались из школы прямой дорогой, а не в обход через лес. Мередит ничему этому не верит: ей уже восемь лет. Но все равно она идет вдоль самой кромки леса, не заходя глубже, и обходит выступающие на поверхность корни. Она старается даже не попадать в тень деревьев, которые как будто смотрят на нее, и то и дело бросает взгляд в лес через их нижние ветки. Это старые черные сосны, стволы которых изъедены лишайником и пахнут мхом и сухими листьями. Большие пластины лишайника свисают с них, как обрывки мертвой кожи. Можно подумать, что эти деревья больны проказой и душат детей. Мередит становится страшно, хотя ей уже восемь лет. Она ускоряет шаг. Вдруг за ее спиной раздается глухое рычание. Девочка замирает на месте от страха.

Потом она оборачивается и видит черный силуэт зверя, притаившегося в траве. Кислый сок выплескивается в желудок Марии и обжигает его стенки, когда она узнает животное. Это Живодер, старый полуслепой ротвейлер семьи Хансон, очень злой пес. Деревенские дети прозвали его Живодером за то, что он больно хватал их за икры, когда они тайком собирали грибы на поле Хансонов.

Живодер ведет себя как-то странно. Он, кажется, не узнает Мередит. Похоже, что он... сошел с ума. Может ли собака сойти с ума? Этого Мередит не знает. Она смотрит в раскрытую пасть Живодера. Ей хочется писать, и она сжимает бедра, чтобы не обмочиться. Дрожащим голосом она просит:

– Тихо, Живодер. Тихо, пес. Это я, Мередит Джонсон.

Но Живодер ее не слушает. Он рычит. Его крепкие мышцы перекачиваются под кожей и напрягаются. От ярости у него дрожат задние лапы, и шерсть на хребте поднялась дыбом. Целое облако брызг слюны вырывается из его пасти. Тогда Мередит понимает, что случилось, и кричит:

– Мама, на помощь! Живодер сошел с ума. Его укусила летучая мышь, и теперь он хочет меня съесть.

Мария стонет во сне: сейчас Живодер нападет на девочку. Мередит бросается в чашу, громко крича и раздвигая руками ветки. Стебли сумаха обжигают ей икры, а ветки хлещут по лицу, но она этого не замечает. Она слышит только топот ног чудовища, которое мчится за ней по пятам. Она чувствует дыхание ротвейлера на своей коже, и его челюсти смыкаются на ее ступне. Девочка спотыкается и оставляет один кед в пасти Живодера, потом вскакивает и бежит вперед, не разбирая дороги. Бежит, вытянув перед собой руки, чтобы отвести в сторону нижние ветки, и не оглядывается. Она почти не чувствует, как шипы ежевики царапают ее голую ступню. Ее трусы намокли. Она бежит вперед и плачет. Горло пересохло, и его жжет. Ей страшно. А еще она чувствует печаль и гнев.

24

Мередит бежала долго. Слишком долго. Там, где она теперь, лес такой густой, что солнечный свет уже почти не проникает сквозь полог ветвей. Кажется, даже звуки исчезли. Мередит замедляет бег, оборачивается. Сзади никого нет. Должно быть, Живодер повернул обратно. А может быть, он спрятался где-то и ждет ее в засаде? Силы девочки на пределе. Она опускается на колени на ковер из мха и дает волю слезам. Она долго плачет, чтобы освободиться от страха, который ее сковывает. Потом вытирает слезы со щек и прислушивается. Где-то рядом журчит вода. Мередит поднимает взгляд и видит ручей и маленький каменный мостик. Должно быть, она забежала далеко и оказалась в самом центре леса. Она не знает это место и никогда не слышала, чтобы кто-то о нем говорил. Она заблудилась. Но пока ей на это наплевать: страх перед лесом еще слабее, чем страх перед клыками Живодера.

Стоя на коленях во мху, Мередит пытается увидеть над деревьями небо. Солнце заходит, и свет стал серым. Девочка уже приготовилась встать, когда услышала шаги. Кто-то идет к ней по листьям папоротника. Мария вздрагивает во сне так сильно, что подскакивает. Сердце Мередит начинает биться с бешеной скоростью. Облачко пара вылетает из ее приоткрытых губ. Мария чувствует ласковое прикосновение шероховатого мха к ладоням девочки и жжение колючек в ее босой ступне. Она прислушивается к шагам. Это шаги мужчины. Мария начинает беспокоиться.

Беги, Мередит! Не оставайся здесь! Встань и беги!

Но Мередит слишком устала. Она переводит взгляд на мужчину, который к ней подходит. Ее колотящееся сердце вдруг успокаивается: этот человек ей знаком. Она его не любит, но и не боится.

Теперь мужчина идет по болоту, и его шаги не слышны. Мередит смотрит на него, а Мария в это время прищуривает глаза, чтобы попытаться рассмотреть его лицо. Он высокий и крепкий телом. На нем куртка из шотландки с нагрудными карманами. На его поясе висит и ударяется о куртку кинжал – точнее, охотничий нож, острый как бритва. Мередит теперь смотрит на его руки. Эти большие мозолистые руки дрожат от волнения, пальцы сгибаются и снова распрямляются. Он похож на большого злого волка. Мария ворочается во сне.

Черт поberi! Вставай, Мередит, и удирай!

Как ни странно, ей удается подключиться к мозгу Мередит и передать ей свой страх. Дыхание девочки становится чаще: она встревожилась. Кончики ее пальцев похолодели. На грудную кость словно что-то давит, мочевого пузырь сжался. Так и есть: Мередит снова чувствует страх. Ее ноги дрожат от усталости. Она пытается встать, но судорога сводит бедра, и она спотыкается. Сейчас она упадет. Мужчина уже рядом с ней, он берет ее за руку. Мередит громко кричит и пытается вырваться. Незнакомец хватает ее за затылок и прижимает к себе. И говорит нараспев грубым голосом:

– Не бойся, дочь моя Мередит Джонсон. Папа здесь.

Нос Мередит плотно прижат к свитеру, который мужчина надел под охотничью куртку. От него воняет потом и кровью. Так же пахло от отца Джессики Флетчер в ночь, когда тот сошел с ума. Это запах мертвого ребенка. Мередит понимает, что она сейчас умрет. Она кусает свитер и начинает плакать, почувствовав, что запах превратился во вкус. Потом она принимает колотить мужчину руками и ногами и кричать. Но чем сильнее она отбивается, тем крепче сжимают ее руки мужчины.

– Слушайся папу, гадкая злая девочка.

Мария чувствует, как ладонь мужчины сжимается на шее Мередит. Девочка начинает задыхаться. Она царапает руку, которая ее убивает, она пытается говорить. Она хочет сказать этому дяде, что просит прощения, что будет хорошей, что больше никогда не станет делать глупости. Потом лезвие кинжала сверкает над ее головой, боль вспыхивает в ее позвоночнике и охватывает его весь. Девочку пронзает холодное как лед лезвие, электрический разряд добивается до ног и рук, ее тело затопляет поток боли. Лезвие входит в тело и выходит из него, вонзается в ее спину, рассекает позвонки, перерезает артерии и разрывает органы. Людоед крепче прижимает ее к себе, чтобы ему было удобнее наносить удары, и Мередит чувствует на щеке его дыхание. Губы людоеда целуют ее лицо, его холодный землисто-серый язык лижет ее губы. Потом девочку сковывает ледяной холод, и боль отступает. Нож продолжает вонзаться в нее, но теперь она почти не чувствует его ударов. Она слышит, как птицы поют на деревьях, она видит ручей и каменный мостик. Свет солнца гаснет. Мередит закрывает глаза. Ей больше не больно.

25

На часах 0:20. Мария по-прежнему спит. Спит крепко, без воспоминаний. Словно толстое стекло накрыло ров, в котором кричат жертвы серийных убийц, – бронированное стекло, которое заглушает крики, но не мешает видеть. Мария видит Джессику Флетчер под пропитанным кровью одеялом. Она видит Мередит в воде под каменным мостиком, где люди из ФБР нашли мертвое обесчещенное тело этой девочки. Мередит смотрит на нее и протягивает к ней полные тины руки. Мария смотрит на девочку через бронированное стекло, которое создало снотворное. Рот Мередит открыт, в волосах застрял мох. Но Мария не слышит ее крика. Марии остается только одно – закрыть глаза и надеяться, что ей удастся проснуться раньше, чем лекарство перестанет действовать.

Мария арестовала убийцу Мередит. Это произошло осенним вечером. Она помнила цвета – желтый и красный – глинистой грязи, которая усложняла ходьбу по дорогам, и лужи,

которые остались после недавних дождей в колеях. Помнила запахи коры и мокрой земли. И дождь падающих листьев в золотистом свете заката.

Агенты ФБР уже два дня сидели в засаде возле того каменного мостика. Два дня они считали минуты от нетерпения. И вот на второй вечер они слышали шаги – те самые, тяжелые, которые слышала в своем видении Мария.

Школьный сторож вышел на берег ручья, остановился и втянул ноздрями воздух. Может быть, он чувствовал присутствие людей рядом или знал, что его похождения закончатся здесь – что здесь конец его пути. Он убил еще троих детей за одну неделю: скорость серии увеличилась. Так всегда бывает, когда порыв, толкающий человека на убийства, уже не угасает, а подчиняет себе личность убийцы и выплескивается из него наружу, как черная вода из засорившейся сточной трубы. Он ощущает бешеную жажду крови и может ее утолить, лишь снова пролив кровь. Чем дальше, тем больше крови ему нужно.

Именно в это время убийца совершает ошибки. Убийства становятся менее отлаженными и менее церемониальными – как молитва человека верующего, но который ходит на церковные службы лишь по привычке или чтобы не скучать. Разница лишь в том, что жажда убивать становится неудержимой. Убийство для такого человека то же, что доза дешевого героина для наркомана со стажем. Серийный убийца сначала убивает для того, чтобы ему стало хорошо, а потом для того, чтобы ему не было плохо, чтобы не страдать от отсутствия своего наркотика. Если он возвращается на места своих прежних преступлений, то всегда на этой стадии зависимости: там он пытается найти немного той радости, которую чувствовал, когда убить человека еще что-то значило для него. Там он попадает. И наступает конец серии.

Агенты ФБР увидели убийцу Мередит в свои оптические прицелы и прокричали положенные формулы предупреждения. Тот жалко улыбнулся и повернулся к ним. Мария увидела, как в его руке блеснул короткоствольный револьвер 357-го калибра, нацеленный на снайперов. Четыре выстрела – четыре щелчка в холодном воздухе. Пули разорвали в клочья лицо убийцы, и он упал на колени в воду ручья. Мария закрыла глаза. Вот оно – ритуальное самоубийство серийных убийц. Если людям из ФБР случайно удастся заманить зверя в ловушку до того, как он убьет себя, он попадает в строго охраняемую часть психиатрической больницы для преступников. Всю оставшуюся жизнь он проведет привязанным ремнями к стулу за пуленепробиваемым стеклом, а знаменитые медики в белых халатах будут заходить к нему и пытаться разгадать тайны его мозга. Какая загадочная причина заставляет разносчика журналов, бывшего сыщика или пастора убивать детей и старых дам? Что заставляет убийцу разрубать трупы на куски, как кусок мяса для жарки? Отсутствующее промежуточное звено между человеком и зверем. Просто перегорает предохранитель в мозгу, происходит короткое замыкание или нейрон был разблокирован и послал нестандартный сигнал другим нейронам. И начинается серия убийств – десятки трупов, изрезанных на клочки, и поля могильных плит.

26

Проходил месяц за месяцем, и ночные видения Марии стали отравлять ее дни. Крики и образы, которые она еще не научилась приручать, насиловали ее мозг. Марии понадобилось время, чтобы понять, что в большинстве случаев речь шла о давних преступлениях или об убийствах, расследование по которым было приостановлено. У серийных убийц есть еще одна особенность, которая, несомненно, доставляет больше всего трудностей и огорчений тем, кто их преследует. Иногда аппетит такого хищника разрастается до огромных размеров, трупов становится все больше – и вдруг смертоносный порыв, побуждавший его убивать, мгновенно гаснет. Другое короткое замыкание в другой области мозга – и начатая серия случайных убийств обрывается так же внезапно, как началась. Хищник снова начинает жить своей обычной жизнью и опять становится тем, кем, в сущности, никогда и не переставал быть, – обыч-

новенным незаметным человеком. Остается лишь ждать, пока больной нейрон пошлет новый разряд в плохой участок мозга и убийства начнутся в другом штате или другой стране. Тогда можно будет снова открыть приостановленное дело и попытаться поймать зверя до того, как он опять уснет.

После раскрытия убийства Мередит Марию перевели в одну из служб, которые отслеживают такие случаи. В службе состояли тридцать агентов и психологов, которые постоянно поддерживали связь с отделениями полиции и моргами всего мира, отслеживая случаи возобновления серийных убийств. Каждый раз, когда где-то происходило необычное преступление, в эту службу присылали протоколы вскрытия, чтобы ее сотрудники могли сравнить почерк убийцы с тем, что им известно по прежним делам. Сравнить обряды, технику расчленения, надрезы на коже или срезание ее участков, следы надругательства над телом. Обычно им присылали отпечатки лап серийных хищников. С небольшим дополнением – убийства совершались в разных странах и были хирургически точными, что характерно для убийц-путешественников. И не было никаких улик – это еще один характерный признак таких убийц: они контролируют свои чувства и потому не оставляют следов.

Именно так Мария нашла след Гарри Дуэйна, серийного убийцы, который менял местами руки и ноги своих жертв. Он пришивал женские руки к волосатому туловищу мужчины, а между мужскими бедрами помещал женский половой орган. Такая гнусная мания была у этого Дуэйна.

Эта серия убийств возобновилась в Санкт-Петербурге через два года после того, как внезапно прервалась в пригороде Чикаго. Перерыв был очень долгим, и они решили, что Дуэйн умер.

Но, сравнивая поступавшие к ней сообщения, Мария обнаружила информацию о других расчлененных трупах в других странах. Зверь проснулся. Четыре жертвы на сырых улочках Венеции, две на круизном судне в море у берегов Турции, пять в Персидском заливе, еще одна в Москве и последняя в Санкт-Петербурге. У каждой были отрублены руки и ноги, а на их место пришиты другие. Это означало, что Гарри Дуэйн превратился из серийного убийцы в убийцу-путешественника: он путешествовал. Безумный архаичный порыв серийного убийцы и заученная сдержанность убийцы-путешественника соединились в одном человеке. Это был весьма редкий и крайне опасный случай изменения психики.

Мария отправила русским властям по факсу полный профиль Дуэйна, и они отдали всем своим службам приказ находиться в максимальной готовности. Потом она прилетела в Санкт-Петербург. Там видения привели ее в старый ангар для лодок на берегу Невы, где воняло смолой и клеем для дерева. Именно там русская полиция нашла последнюю жертву Дуэйна. И в нем Мария прожила последние секунды жизни этой женщины – Ирины, безвестной проститутки, которая вышла попытать счастья на ледяные бульвары города царей. Укус пилы, которая отрезает части ее тела. Хрип Дуэйна. Скребущие звуки, когда пила задевает пол, и давление ремней, которое потом ослабевает. Поток боли. И Мария, которой не удастся умереть. Мария, которая еще живет после того, как Ирина перестала жить.

Через два дня Дуэйн был убит русской полицией в ночном поезде, направлявшемся в Берлин. После этого Мария попросила отпуск. Она сделала вид, что едет отдыхать в Калифорнию. У нее был выбор: или то, что она решила сделать, или глубокая депрессия и самоубийство с помощью лекарств от тревоги, которое стало бы драгоценным избавлением. Она поехала в Санта-Монику – город кинопродюсеров, белых акул и известных нейропсихиатров. Ей сделали множество анализов – сканер, IRM, Pet-Scan. Никакой опухоли, даже самой маленькой.

Диагноз ей был поставлен в больнице Кармел. Произнес его доктор Ханс Циммер, старый сумасшедший немец, который изучил психиатрию, чтобы лечить себя своими руками. Этот специалист по неизвестным областям мозга объяснил Марии, что видения, от которых она страдает, – это что-то родственное медиумическому реактивному синдрому. Этот синдром встречается лишь у некоторых людей с множественными черепными травмами и возникает в результате сильнейшего шока, настолько мощного, что он нарушает глубинные структуры мозга. Как будто этот шок приводит в действие область мозга, которая никогда не должна была включаться, одну из тех его глубоко упрятанных зон, которые эволюция человечества отвергла по загадочным причинам, или, вернее, бездействующих зон, которые она предполагает использовать лишь через тысячи лет. Ничем не заполненные участки мозга. Нейроны, не связанные с другими и бездействующие. Как будто миллиарды совершенно новых батареек ждут, чтобы их соединили проводом и выпустили наружу ток, который в них содержится. И медиумический реактивный синдром освобождает его.

Циммер объяснил Марии, что, очевидно, произошло под ее красивыми черными волосами. Ее мозг, который сильно встряхнула травма, погрузился в глубокую кому, чтобы попытаться восстановиться. Он одно за другим активизировал разорванные соединения. Это все равно что строить заново линию электропередачи из тысяч столбов и многих километров проводов. Один нейрон для зеленого цвета, еще один для коричневого. Третий нейрон для слова «лист», четвертый для слова «ветка» и пятый для слова «ствол». Пять нейронов медленно восстанавливали связи друг с другом, чтобы снова хранить в ее памяти образ дерева, которое она увидела в лесу. Мозгу нужно было снова найти миллионы образов и заново построить из них миллиарды воспоминаний.

Но иногда случается, что эти новые соединения по ошибке попадают в запретные зоны мозга – те зоны, которые позволяют человеку сгибать маленькие ложки, не касаясь их руками, читать чужие мысли, вращают столы или устанавливают связь с мертвыми. Или в еще более странные незадействованные области мозга, которые заставляют человека почувствовать себя на месте маленькой девочки, убитой серийным маньяком, или проститутки, которую Гарри Дуэйн заживо разрезал на части в старом ангаре на берегу Невы. Медиумический реактивный синдром. Марии не повезло.

Шесть месяцев Мария училась контролировать свои видения. Училась принимать их и понимать. Училась отличать старые образы, которые относились к далекому прошлому, от новых образов недавнего преступления. Иногда она видела преступление в тот момент, когда оно происходило, и эти видения были самыми тяжелыми.

Потом она стала применять свой проклятый дар при выполнении служебных заданий. В результате были арестованы двенадцать серийных убийц и четыре убийцы-путешественника. Для этого понадобилось пять лет невыносимых видений и повторяющихся кошмаров. Были обнаружены тела шестидесяти убитых жертв и спасены в последний момент две маленькие девочки, сильно травмированные и на всю жизнь отгородившиеся от мира стеной молчания.

Вот почему Мария Паркс принимает снотворные. По этой же причине она запивает их стаканом джина.

На часах 0:20. Тишину разрывает сигнал телефона. На четвертом пронзительном звонке Мария вздрагивает и просыпается. Ее горло пересохло и покрыто вязким налетом. Во рту противный вкус спирта и сигарет. Она снимает трубку, но ничего не говорит. В трубке раздается

голос шерифа Баннермена, начальника полиции в Геттисберге, штат Мэн. У этого добродушного толстяка всегда одышка.

– Паркс?

– Сейчас меня нет дома. Вы можете оставить сообщение.

– Перестань дурачиться, Паркс. У нас проблема.

Мария мгновенно замечает, что голос Баннермена дрожит.

Шериф испуган. Она протягивает руку за пачкой сигарет, которая лежит на ночном столике, зажигает одну и смотрит на кружок красного света, который конец сигареты отбрасывает в темноту.

Страх Баннермена пытается проникнуть в Марию. Она делает глоток дыма, чтобы прогнать этот страх. Ее легкие наполняет запах соломы и сырой земли. Мария курит не сигареты с ментолом, не «блондинки» и не ложные коричневые. Она выбрала «Олд Браун» – хороший старый ковбойский сорт, с едким и жгучим дымом.

– Паркс, ты у телефона?

Паркс нет у телефона. Паркс сдохла. Один чинарик среди ночи, чтобы выкурить мертвецов, и снова в койку.

– Черт, Паркс! Не говори мне, что снова приняла свои гадости, от которых ты храпишь!

Голос шерифа по-прежнему дрожит от страха, но уже гораздо сильнее.

– Что тебя пугает, Баннермен?

– Рейчел пропала.

Желудок Марии сжался так, что ее едва не стошнило. Так и есть, страх Баннермена сумел проникнуть в нее. Мария чувствует, как он течет по ее артериям.

– Когда? – спрашивает она.

– Полчаса назад. Мы потеряли ее след на одной из дорог, которые пересекают Оксборнский лес. На перекрестке Гастингс. К твоему дому уже подъезжает машина. Прыгай в нее и приезжай ко мне.

В ответ тишина.

– Черт побери, Паркс! Не засыпай снова!

Мария кладет трубку и несколько секунд прислушивается к темноте. Дождь стучит в оконные стекла. Ветер завывает в ветвях плакучих ив, растущих вдоль улицы. Мария сосредоточивается. Рейчел, девушка-сыщик. Двадцать лет, красивая блондинка. И сорвиголова, точно такой же была Мария в этом возрасте.

Рейчел сама попросилась расследовать дело о многочисленных осквернениях могил на кладбищах в окрестностях Геттисберга. Этих случаев за последнее время было так много, что они встревожили полицию. Могилы разрыты, гробы вскрыты, и содержимое выброшено из них. Десятки более или менее разложившихся трупов бесследно исчезли. Пошли слухи о том, что в этих местах поселилась секта сатанистов, которым нужны трупы для черных месс. Беда была в том, что, кроме перевернутых могильных плит и открытых гробов, полиция округа не нашла никаких каббалистических знаков – ни пентаграмм, ни надписей на латыни. Ни одной улики, даже самой малой. Не было даже следов ног на мягкой земле. Потом осквернения прекратились так же внезапно, как начались. А через несколько недель после этого в окрестностях Геттисберга стали пропадать уже не трупы, а живые люди. Четыре молодые женщины, все неместные, одновременно бесследно исчезли. Все они были молоды, не замужем и не были ни с кем связаны ни любовью, ни близкой дружбой. Поскольку Рейчел вела предыдущее расследование, ей поручили и это дело.

Исчезновение первой из пропавших женщин, некоей Мэри-Джейн Барко, не вызвало большого шума. Сначала все думали, что она покинула округ и уехала на другой конец страны, чтобы забыть какое-то душевное горе. Но через неделю исчезла Патриция Грей. Потом то же случилось с Дороти Бракстон и Сэнди Кларкс. Все четыре пропали, ни с кем не простившись.

А за три дня до того, как шериф позвонил Марии, охотники нашли на границе Оксборнского леса разорванную и испачканную в крови женскую одежду – джинсы, свитер, колготки и бюстгальтер. В эти вещи была одета Мэри-Джейн Барко перед тем, как исчезнуть. Этого оказалось достаточно, чтобы возник слух. Начались разговоры о том, что в лесах округа Геттисберг живет хищный зверь и что именно он чуть раньше воровал трупы с кладбищ. Началась паника, страх распространялся со скоростью лесного пожара. Тогда Рейчел пошла по следу убийцы и тоже исчезла.

Мария раздавила окурок сигареты, пошла в ванную. Она установила регулятор на душе на самую высокую температуру, разделась и встала под воду. Дрожа под струями, которые обжигали ей кожу, она закрыла глаза и попыталась собрать вместе свои воспоминания. Проклятое снотворное...

29

Специальный агент Мария Паркс когда-то купила маленький дом в Геттисберге – городе, где она родилась. Она приезжала туда лишь в отпуск. Именно во время такого отдыха она узнала об этом убийце из статьи, которая была напечатана мелким шрифтом в местном бульварном листке. Тогда она позвонила шерифу Алоизу Баннермену и предложила ему свои услуги.

Она и толстяк Баннермен учились в одной школе, ходили по одним площадям и молились в одной и той же церкви. Они даже целовались на заднем сиденье старого «бьюика», в котором пахло навозом и старым табаком. После липких от пота объятий язык Баннермена стал обвиваться вокруг ее языка.

А перед этим он перекусил в центре города – наспех проглотил у стойки бара с тexasской кухней тарелку жаркого по-мексикански со жгучим перцем. Потом Баннермен просунул ладонь между бедрами Марии и начал гладить ее через ткань джинсов. Мария пронзительно закричала, и этот крик отдался эхом во рту Баннермена. Она не собирается отдаваться ему в наемной машине. Не так! Она не расстанется с невинностью, как деревенские девчонки, которые на многое закрывают глаза, чтобы не стареть когда-нибудь в одиночестве. У Баннермена недовольно вытянулось лицо. Мужчины всегда обижаются, когда женщины им не дают.

Прошло много лет. Мария уехала из Геттисберга в Бостон с его небоскребами. Она изучила право в Йельском университете и получила степень магистра психологии в другом университете – Станфордском. Потом она поступила на службу в ФБР, в отдел, который занимается установлением личности серийных убийц и слежкой за ними.

Американцев двести семьдесят миллионов, у них в руках четыреста миллионов единиц огнестрельного оружия. В Соединенных Штатах есть множество трущоб, «Макдоналдсов» и гетто, а рядом с ними – здания банков, особняки миллионеров и гольф-клубы, которые огорожены кирпичными стенами, чтобы оттуда не был виден серый океан – кварталы бедноты. В Соединенных Штатах живет миллион потенциальных убийц. Она выбрала хорошую работу: у ее профессии есть будущее. Именно в то время Мария стала специализироваться на охоте за убийцами-путешественниками.

А Баннермен остался в Геттисберге стеречь лавочку. Он по-прежнему объедался жгучим перцем и пытался обнимать девушек на заднем сиденье «бьюика». Ему удалось добиться своего по меньшей мере один раз, потому что в конце концов он женился на Абилай Уэбстер, некрасивой деревенской девушке, в которую отчаянно влюбился. Со времени свадьбы эти супруги были грустной и скучной, почти трогательной парой. Когда Мария проводила отпуск в родном краю, они всегда ставили на стол прибор для нее.

Пока Мария стажировалась в учебном центре ФБР в городе Куантико, Баннермен стал шерифом в Геттисберге. Вместо этого он мог бы стать почтовым служащим, путевым обход-

чиком или шофером-дальнобойщиком. Должность шерифа была, в сущности, хорошей и не слишком утомительной: несколько краж семенного зерна из амбаров, одна или две банды молодых шалопаев, которых полиция преследует за очевидные преступления, совершенные от скуки, и несколько ссор между бедняками в грязных барах Геттисберга.

У него в подчинении находились четыре помощника шерифа – безвестные пьяницы, которые были верны ему, как старые охотничьи псы. И еще у него была помощница Рейчел, местная девчонка, красивая и бойкая, как синица, и мечтавшая поступить в федеральную полицию. Рейчел, которая не могла усидеть на месте с тех пор, как ей поручили вести дело об исчезновении четырех женщин из Геттисберга. Или, вернее, об убийстве четырех женщин, потому что одежда первой жертвы была найдена в сыром Оксборнском лесу.

30

Рейчел кричала во все горло, когда Баннермен сделал вид, что отбирает у нее расследование и передает его более опытному инспектору. И шериф, должно быть, понял ее горе, потому что девчонка получила отсрочку на двадцать четыре часа. Конечно, именно в этот момент ей пришла в голову мысль стать приманкой для большого злого волка. Сыграть роль Красной Шапочки. И это была глупая мысль.

Надо сказать, что появление настоящего преступника в Геттисберге было такой же неожиданностью, как приземление летающей тарелки. Убийца, да еще не простой, а серийный! Это было событием века. Тот случай, о котором мечтали и Баннермен, и Рейчел. Для шерифа это была возможность выставить свои округлые формы на всеобщее обозрение в газетах. Для его юной помощницы – пропуск в большой город и в отдел кадров ФБР. Но им надо было торопиться, потому что Геттисберг и для хищника Геттисберг. В таком курятнике, как их городок, слишком мало кур для такого голодного лиса. К тому же убийца явно не местный, а значит, он неизбежно покинет их округ. И нужно было его поймать, пока слава, о которой мечтал Баннермен, не досталась шерифу другого округа. Именно поэтому Рейчел бросилась в свое опасное предприятие, как ныряльщик ночью прыгает в воду среди акул.

Именно это Мария предчувствовала накануне, читая ежедневную газету Геттисберга. Четыре строки, втиснутые между рекламой яичного шампуня и объявлением о том, что на заправочную станцию «Тексако» у выезда из города требуется заправщик. В этих строчках журналист сообщал, что в одном из мусорных ящиков, установленных в Оксборнском лесу, только что найдена одежда второй исчезнувшей женщины, Патриции Грей. Были обнаружены ее испачканное кровью белье и лоскуты платья, а также обломки ногтей, похожие на те, которые можно обнаружить застрявшими в камне на дне трещины в отвесной скале там, где по ней пытались взбираться люди. Это следы звериного запредельного ужаса. Чтобы испытать такую панику, Патриция Грей должна была оказаться на пути убийцы-путешественника. Мария чувствовала, что это так, по собственному страху: у нее пробежали мурашки по коже рук. Это будет тяжелый удар для Баннермена. Она позвонила шерифу и предложила ему свою помощь. И действительно, его голос дрожал от гнева, когда он ответил:

– Что это за чушь, моя дорогая? Это местное расследование преступлений местного убийцы. Он насилует женщин, а потом убивает. Это тип, который слышит голоса и позволяет командовать собой своему... скажем, хвосту. Значит, мы устроим ловушку для его... хвоста... и будем ждать, пока он в нее не попадет.

– Ты ошибаешься, Баннермен: твой убийца меняет места. Это большая белая акула, которая плавает вдоль берега и ищет, кого бы сожрать. Когда такой хищник находит место, где много рыбы, он начинает охотиться и сжирает все, что там есть. Когда еда кончается, он снова отправляется в путь, чтобы найти другое место, полное рыбы. Он вечно голоден. Он забрался в твою деревню и не уйдет из нее, пока для этого не будет важной причины. А часть моей

работы – как раз создавать путешествующим убийцам важную причину для того, чтобы сменить место охоты.

– Может быть, это так. Но этот подонок ошибся: он устроил себе временное логово в моем округе, а значит, это местное дело.

– Ты несешь чепуху, Баннермен: если этот убийца путешествует, значит, ему уже удавалось уйти от сыщиков, которые гораздо умнее тебя. Запроси данные о нем у шерифов других округов: такой человек оставляет в моргах столько же следов, сколько столкновение автомобилей в час разъезда.

– Паркс, это мое расследование.

– Твое расследование, твой округ, твой убийца. Ты напоминаешь мне глупого мальчишку, который переворачивает включенный триммер для газонов, чтобы проверить, может ли эта машина подстричь ногти.

В ответ – тишина.

– Трупов по-прежнему нет?

– Мы их ищем.

– Я даю тебе три дня.

– А что потом?

– Потом я буду обязана предупредить федералов.

– Пошла ты на хрен, специальный агент Мария-Меган Паркс!

Первый бой с Баннерменом. Получилось то же, что ткнуть мечом в воду. В этот вечер Мария должна была ужинать у шерифа. Она пришла раньше назначенного срока, и времени до возвращения шерифа ей как раз хватило, чтобы расспросить Абигайль. Узнала Мария немного – лишь то, что Патриция Грей, вторая жертва, была официанткой в ночном клубе «Твистер» в окрестностях их города. Понятно! Мэри-Джейн Барко была официанткой в баре «Кампана» в Геттисберге. Дороти Бракстон и Сэнди Кларкс, жертвы номер три и четыре, тоже были официантками. Первая из них работала в «Гонке под луной», вторая – в «Сержанте Халливелле».

Все четыре молодые женщины работали в ночных барах округа Геттисберг, по одной на бар.

Тогда кто напал на них? Убийца официанток? Почему бы и нет, в конце концов? Черт возьми! Если учесть, сколько, согласно справочнику, в этой местности ресторанов, баров и ночных клубов и он действительно убивает официанток, здесь придется открыть новое кладбище размером с бейсбольное поле.

31

Когда обед закончился, Паркс поблагодарила супругов Баннермен. Возвращаясь от них, она сделала крюк и зашла в тот бар в южной части города, где работала Мэри-Джейн Барко. Это был квартал гаражей из волнистых листов железа, пустырей. Еще здесь располагалась старая лесопилка, где между кучами досок спали бездомные. Парковка «Кампаны» была до отказа заполнена грузовиками и помятыми пикапами. Посетителями были в основном дальнобойщики и люди, ехавшие по торговым делам. Ледяной ветер бросал из стороны в сторону гирлянды мигающих лампочек перед входом. Внутри был мягкий рассеянный свет, висела липкая бумага против мух и тихо играла музыка в стиле кантри.

Мария села у стойки, заказала бутылку текилы, немного соли и разрезанный на четыре части лайм и предложила бармену выпить с ней. Они стали пить, посыпая солью ладонь и грызя четвертушки лайма между двумя глотками спиртного. На четвертом стакане он разговорился.

Мэри-Джейн Барко была девушкой без прошлого. За мужчинами совершенно не бегала, скорее их боялась. Такие слова приобретают особый вес, если сказаны человеком, который

считает женщин чем-то вроде огромных презервативов. Она стала работать в «Кампане» месяц назад. Вышла из междугородного автобуса компании «Грейхаунд» с чемоданом в руках и с красной кружевной косынкой на волосах. По ее собственным словам, приехала из Бирмингема, штат Алабама. Ни любовника, ни друзей, ни прошлого. Такая жизнь часто бывает прикрытием для самых ужасных тайн. Она снимала комнату у старой Нормы, в конце улицы Донован, в жалком домишке на возвышенности. Больше он ничего не знает.

На восьмом стакане бармен спросил у Паркс, не пойдет ли она с ним в «Кентукки фрайд чикен» в Геттисберге съесть по порции куриных крылышек, когда у него закончится смена. Она спросила, какая у него машина. Он ответил: «Старый пикап „шевроле“». Паркс молча смотрела на него, слизывая кончиком языка крупички соли с пальцев. Он решил, что это значит «да», но это значило «нет».

В этот момент Рейчел уходила в темноту, и никто даже не подозревал об этом. Девушка оставила на мобильном телефоне Баннермена сообщение. Оно было послано с ее мобильного, и в этот момент Рейчел находилась на перекрестке Гастингс. Она сообщала, что нашла след, который ведет в центр Оксборнского леса. И сказала, что оставляет свой мобильник подключенным к электронной почте Баннермена, чтобы тот мог ее слышать. И пошла тайком за своей удачей, как мышь в сказке тайком от подружки-кошки бегала есть масло из их общего горшочка.

Пытаясь проснуться под обжигающим душем и прислушиваясь к тишине, Мария Паркс думала обо всем этом. Кто-то постучал в дверь. Сквозь матовое стекло в окно ванной проник свет вращающегося фонаря.

Мария вытерлась и надела джинсы, шерстяной свитер и плащ-дождевик. Перед тем как выйти из дому, она взглянула на часы в гостиной. Они показывали 0:50. Прошло почти два часа с тех пор, как исчезла Рейчел. Мария попыталась сосредоточиться на ней, но безуспешно. Лес съел Рейчел.

32

«Шевроле-каприз» с зажженным вращающимся фонарем мчится навстречу опасности по безлюдным улицам Геттисберга. От него в обе стороны разлетаются струи воды из луж. Асфальт блестит от дождевой воды в тусклом свете уличных фонарей. Несколько черных фигур, которые наклонялись над мусорными контейнерами, убегают, услышав рев двигателя V8. Назойливый треск радио, равномерный шум стеклоочистителей, похожие на пощечины шлепки дождевых струй по капоту. Мария кусает губы, чтобы не уснуть. Внезапно огни Геттисберга исчезают. Последний фонарь. Последний плакат, на нем написано: «ГЕТТИСБЕРГ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС». Мария замечает, что среднее слово зачеркнуто и над ним написано другое. Получилось «ГЕТТИСБЕРГ ПЛЮЕТ НА ВАС». Это близко к истине.

Фары «каприза» осветили еще несколько спящих ферм, а после этого автомобиль въехал в черную ночь. Когда глаза Марии привыкли к этому мраку, она разглядела вдали еще более черную линию – Оксборнский лес.

Шофер снимает ногу с педали, и «каприз» выезжает на проселочную дорогу. Шины подпрыгивают в полных воды выбоинах, поднимая фонтаны грязных брызг. Мария откидывается на спинку сиденья, опирается затылком на подголовник и смотрит на луну, которая только что стала видна среди облаков. Луна маленькая и грустная, она выглядит грязной. Кажется, что на небе не она сама, а ее отражение в луже.

Мария задумчиво перебирает в памяти все, что ей известно о геттисбергском убийце. А известно, в сущности, очень мало.

Совершенно ясно, что это мужчина. Серийные убийцы-женщины редко убивают других женщин. Они убивают мальчиков, стариков, сильных или грубых мужчин, но женщин почти

никогда. В редких случаях – больных старух, но это скорее убийство из жалости, чем преступление, вызванное ненавистью.

Значит, мужчина белый, который охотится на людей своей этнической группы. Поскольку трупы пока не найдены и не вскрыты, кроме этого точно известно лишь то, что убийца раздевает своих жертв на краю леса. Он срывает с них оболочку, лишает отличительных признаков. Возвращает к изначальной наготе и этим отнимает у них статус человека. Да, именно так: раздевает, чтобы легче было их уничтожить.

Для убийцы такого рода оболочка – это грязь и ложь. Такой убийца – живодер. Он добивается до мяса и костей. Снятие одежды – только первый этап снятия кожи. Потом он сдирает с жертвы верхний слой кожи – срывает кусками, соскребает ножом или счищает кислотой. Затем наступает очередь мяса, покрывающего кости, то есть нижнего слоя кожи, жил и сухожилий. Убийца вымачивает их в кипятке и вырезает, докапываясь до костей. Лицо он тоже обрабатывает. Он вынимает глаза и зашивает веки, скулы скребет рашпилем и шлифует пемзой, разглаживает морщины, дробит черты лица на мелкие части. Этот человек считает, что жизнь обманула его надежды. И ему необходимо касаться чего-то, чем-то овладевать, что-то присваивать себе. Он полон разрушительной ненависти, и она так велика, что он уже почти ее не ощущает. Но кроме этой ненависти есть еще одна причина: убийцу пугает внешний вид его добычи. Он боится своего отражения, которое видит в их глазах. Его жертвы для него – зеркала, которые необходимо замазать черной краской. Он пытается раствориться в безымянности их слепых лиц. Он создает что-то вроде музея восковых фигур. А потом, когда его мертвецы теряют собственную внешность, он дает им другую, которая не так страшна для него, – надевает на труп женщины парик, платье, белье. Он разговаривает со своими куклами, наказывает их, насилует или награждает. Он чувствует себя всемогущим. Это коллекционер трупов. Первая рабочая версия – кукольный дом с куклами из мертвых женщин. Остается лишь найти куклу, сделанную из Рейчел. Мария хорошо знает, что такое убийцы этого типа, и потому не слишком надеется найти девушку живой: от капризов хозяина кукол человек быстро погибает.

Ночную тишину разрывает гудок. Автомобиль снижает скорость. Мария выпрямляется на сиденье и видит вдали ряд вращающихся фонарей на лесном перекрестке Гастингс.

33

«Каприз» останавливается у обочины дороги рядом с автомобилем Рейчел – старым полноприводным пикапом марки «Форд» с гладкими шинами. Девушка оставила свою машину здесь перед тем, как уйти в лес. Фары полицейских машин освещают Баннермена, который ждет Марию под дождем. Она вылезает из своей машины, подходит к нему и берет из его рук протянутый стакан кофе. Мария замечает, что шляпа шерифа накрыта пластмассовой сеткой. Каждый раз, когда он шевелит головой, вода, заполнившая поля шляпы, стекает ему на ботинки. Несколько капель этой воды попали ему на лицо, и поэтому кажется, что он плачет. Мария выпивает глоток кофе, морщится, потом снимает со стакана картонную крышку и принохливается. Кофе воняет теплой мочой. Она выплескивает остаток напитка в лужу и просит у Баннермена закурить. Шериф вставляет ей сигарету в рот.

– У тебя нет коричневых?

– Коричневые я не курю. Я их выбрасываю.

Мария закуривает свою сигарету от зажигалки, которую ей протягивает Баннермен. Потом она прикрывает конец сигареты ладонью и выдыхает клуб дыма в ледяной воздух.

– Есть за что зацепиться?

– Есть, но немного. Рейчел обнаружила след и захотела идти по нему одна. Информатор назначил ей свидание здесь. Она отправила мне сообщение в тот момент, когда этот тип под-

ходил к ней. Ее мобильник до последнего момента оставался подключенным к моей электронной почте.

– И что это значит?

– То, что этот тип и есть наш убийца. Хочешь послушать записи?

Мария вовсе не хочет их слушать, но прижимает мобильник Баннермена к своему уху, закрывает глаза и сосредоточивается.

Треск. Шуршание сухих листьев под ударами дождевых капель. Скрип гравия под ногами. Тишина. Потом голос Рейчел. Девушка говорит, что идет на встречу с информатором. Ей холодно. Щелчок: она закрыла дверь машины. Потом – звук ее шагов по траве: она идет по обочине дороги. Мария слышит, как о корпус телефона стукнула крышка металлической зажигалки (разумеется, марки «Зиппо»). Потом Рейчел сминает и выбрасывает пустую пачку из-под сигарет.

Легкий стук – бумажный комок ударяется об асфальт, отскакивает от него и ударяется снова. Услышав эти звуки, Мария освещает фонарем дорогу в нескольких метрах от себя. Из темноты возникает красный картонный шарик. Рейчел курила «Мальборо». Продолжая держать мобильник возле уха, Мария отходит от Баннермена и становится обутыми в сапоги ногами в следы, которые Рейчел оставила в грязи, когда нетерпеливо ходила вперед и назад, дожидаясь встречи.

В трубке снова зазвучал голос Рейчел. Девушка говорит, что видит приближающиеся белые огни фар. Мария почувствовала, как дрожь пробежала у нее по спине. Эту же дрожь чувствовала Рейчел, глядя на подъезжавшую машину. Рейчел говорит, что кладет мобильник в нагрудный карман. Мария слышит несколько гудков: Рейчел увеличила громкость до максимума. Она слышит, как телефон трется о ткань, как закрывается застежка-молния кармана, как стучат капли дождя по непромокаемому плащу. Теперь Мария слышит удары сердца Рейчел; у девчонки молодое сердце, оно работает с бешеной скоростью. В телефоне все сильнее слышно рычание двигателя. Он восьмицилиндровый, плохо отрегулирован. Автомобиль проезжает мимо Рейчел и останавливается на несколько шагов дальше.

Мария нацеливает луч фонаря на следы, которые оставил автомобиль незнакомца, когда тот парковал его у обочины. Видно, что машина крупная и полноприводная, вероятно «шевроле» или «кадиллак». Рейчел сообщает, что это синий «додж» старой модели. И добавляет, что номер машины залеплен грязью и она может различить из него лишь несколько букв.

Щелкает дверь машины. Сердце Рейчел начинает стучать сильнее: незнакомец приближается к ней. Она говорит, что он одет в длинный плащ с капюшоном из черной кожи и капюшон скрывает его лицо. Что-то вроде одежды, которую носят монахи.

Девушке становится страшно. Она не знает, почему чувствует страх, но чего-то боится. Рейчел внезапно понимает, что ее испугало: человек из машины идет по засыпанной гравием обочине бесшумно, как будто почти не касается башмаками камешков. Да, так оно и есть: Рейчел говорит, что его ноги ступают по гравию, не производя никакого шума. Потом она шепчет, что больше не может говорить: он уже совсем близко. Мария делает то же, что должна была сделать Рейчел: направляет луч своего фонаря в ту сторону, откуда шел незнакомец. Треск в телефоне, потом шепот Рейчел: должно быть, девушка опустила голову, чтобы ее губы оказались близко к карману, в котором лежал мобильник. Она испугана.

– О господи! – шепчет Рейчел. – Мой фонарь не может осветить его лицо. Я вижу его глаза, но у него нет лица.

Звучит глухой, как кашель, голос незнакомца. Он что-то говорит, но Мария не может разобрать слова. Рейчел пронзительно кричит и бросается бежать. В мобильнике Баннермена слышен треск ломающихся веток. Значит, молодая сыщица бежит наугад и все дальше углубляется в лес. Ее свистящее дыхание почти заглушает шум ее шагов по сухой листве. Рейчел

в ужасе. Она кричит, что этот человек гонится за ней и у него в руке нож. Она забыла, что посылает сообщение лишь на электронную почту Баннермена, и просит его срочно прислать подкрепление.

Мария направляет луч своего фонаря на границу дороги и леса. В одном месте поросль смята, ветки деревьев поломаны: именно отсюда Рейчел ушла во тьму. Мария тоже уходит в темноту с этого места. С тяжелых ветвей на нее осыпаются капли дождя. Фонарь освещает перед ней тропинку, которую Рейчел протоптала в папоротниках. Рейчел громко кричит в мобильнике. Удар чего-то тяжелого о землю: Рейчел упала на сухие листья. Она встает и бежит дальше, продолжая кричать. Потом она оглядывается и громко кричит, что преследователь сзади нее, что он даже не бежит, а идет, но он здесь, у нее за спиной.

– О господи! Баннермен, я сейчас умру! Ты меня слышишь, Баннермен? Черт возьми, я уверена, что сейчас умру!

Сердце Рейчел колотится так, что его удары едва не оглушают Марию. Она слышит плач девушки и между всхлипами – ее свистящее дыхание. Рейчел пытается успокоиться: она знает, что если продолжит паниковать, то ей конец. Она удлиняет шаг. Она дышит через рот, как бегунья на короткие дистанции. Но это не спринт, Рейчел, это гонка на выживание. Победительница поедет отдыхать на Гавайи, на белый песчаный пляж с ананасовым соком, коктейлями и серфингом. А второго места на пьедестале нет. Второй получит только удар кинжала в живот и горсть камней на крышку своего гроба.

Рейчел устала. Она снова падает. Ей плохо. У нее больше нет сил. Ее волосы намокли, и липкие от грязи пряди качаются перед глазами. Она оглядывается, и у нее вырывается долгий крик – вопль ужаса.

– Баннермен! Этот подлец идет, а я не могу оторваться от него! Боже, умоляю, помоги мне! Почему я не могу оказаться дальше от него?

Рейчел достает свой пистолет и делает четыре выстрела наугад, вскрикивает: «Черт побери!» – и начинает на ощупь искать в грязи упавшее оружие. А потом она громко кричит от ужаса: преследователь схватил ее. Он бьет ее по лицу, бьет по животу, бьет сапогом в низ живота. Но пока он не заколол ее своим кинжалом: он хочет поиграть.

Рейчел пытается защищаться. Она прикрывает лицо руками. Мария слышит треск ее костей под ударами сапог убийцы, треск слабеющих суставов и сухожилий. Убийца калечит девушку, чтобы она не могла от него убежать.

Рейчел хрипит от боли. Избивая ее, убийца что-то ей говорит. Он не кричит. Он не злится. Напротив, его голос звучит мягко, почти ласково. Мария напрягает слух, чтобы понять, что же он говорит, и ей удается расслышать несколько слов. Это смесь латыни и забытых диалектов. Убийца говорит на мертвом языке.

Рейчел больше не кричит, но он продолжает бить ее по животу, по лицу и по ребрам. Он ломает ее тело, но не хочет ее убивать – пока не хочет. Для этого у него будет достаточно времени. Один из его ударов попадает Рейчел по груди. Трещит расколотая пластмасса: мобильник разбит. Мария слышит громкий сигнал «конец записи».

34

Мария закрыла глаза. В ее сознании продолжают звучать крики Рейчел – в перерывах между ударами дождевых струй по ее собственному плащу. Она поворачивается к Баннермену и просит у него радиопередатчик. Получив этот прибор, она кладет его в карман плаща, потом устанавливает беспроводные инфракрасные наушники на прием. Так она сможет слышать сообщения шерифа, даже если ей придется далеко отойти от передатчика.

– Ты не могла бы применить один из твоих особенных приемов?

Мария пристально смотрит в голубые глаза Баннермена.

– Ты именно этого от меня хочешь?

– Если ты действительно можешь увидеть что-то, погладив ствол дерева или понюхав ветер, сделай это. Это наш единственный шанс найти Рейчел. Если это так, то да, я хочу именно этого.

– О'кей. Дайте мне двадцать минут, а сами пока стойте здесь, чтобы не затоптать след. Когда я подам сигнал, идите вперед. Не пытайтесь меня догнать, пока я не скажу, что пора.

– Ты что, сошла с ума?

– Разве я похожа на сумасшедшую?

– А если убийца еще там?

– Он еще там.

Углубляясь в лес, Мария установила передатчик на минимальную громкость, чтобы слышать в наушниках тихий голос Баннермена. Он настойчиво советует ей не делать глупостей и отмечать пройденный путь лоскутками красной шерсти, которые он ей дал. Грубый прокуренный голос шерифа выдает его чувства – горе и угрызения совести. Баннермен откашливается, чтобы прочистить горло, долго подбирает слова и наконец говорит, что не хочет, чтобы Мария погибла. Мария этого тоже не хочет. Она прибавляет шаг.

35

Оказавшись в самом сердце леса, специальный агент Мария Паркс закрывает глаза и слушает, как капли дождя падают на ее прорезиненный капюшон. Вода стекает по плащу и льется в сапоги. Ледяной ветер гнет вершины деревьев, поднимает с земли и кружит сухую листву. Мария смотрит вверх – на клочки неба, которые видны между ветками, и видит целую армию черных облаков, которые атакуют луну.

Она пытается сосредоточиться. Треск стволов под ударами ветра. Приглушенные шелчки дождевых капель. Шуршание папоротников. И больше ничего. Мария вздыхает. Уже полчаса она на ощупь ищет след Рейчел в холоде и темноте. Полчаса помечает свой путь клочками шерсти и шагает по дороге, которая не ведет никуда.

Серая дыра в черноте леса. Мария вышла на поляну, заваленную дубовыми бревнами. Лесники сняли со стволов кору, но еще не успели сложить их в штабеля. Пахнет опилками и древесным соком – кровью деревьев. Мария пытается уловить более давние запахи. Запахи коры – кожи деревьев, миллионов черных узловатых стволов, миллиардов веток, испарения мха и гнили. И дыхание мягкой земли, которая пожирает трупы и мертвые деревья. Ночь. Оглушающая тишина леса.

Она различает очертания деревянного стола для пикников. Стол сделан грубо, из неструганных и плохо отесанных досок. Она подходит к нему. Кончики ее пальцев нащупывают вырезанную ножом на столе надпись – дату и имя. Мария чувствует покалывание в руках и ногах. Ее сердце начинает биться со скоростью сто двадцать ударов в минуту. Сейчас начнется видение. Она закрывает глаза.

Вспышка.

Ясный и почти жаркий день. Ярко сияет солнце. По небу плывут большие белые облака. В воздухе пахнет пылью и свежей травой, крапивой, мятой, стеблями и ягодами ежевики. Мария сидит за этим же столом. Теплый ветерок ласкает ее ноздри. Пчелы жужжат в неподвижном воздухе. Она чувствует также запахи сосновой смолы и горячего камня. Вдали слышны голоса детей. Мария открывает глаза. Поляна исчезла. Между деревьями, которым осталось жить лишь несколько сезонов, разостлана на траве красная скатерть. Вокруг нее сидит отдыхающая семья – муж, жена и двое детей. Их лица видны нечетко, как будто покрыты слоем прозрачной пластмассы, которая сглаживает черты. Потом силуэты семьи испаряются. Мария касается пальцами стола – имя и сердце исчезли. Ее пальцы сгибаются.

Вспышка.

Зима. Снег. Воздух прохладный, небо – сочного бирюзового цвета. Теплые ароматы испарились, остались только синие запахи холода, льда и ветра. В подлеске слышен лай собак. Им отвечают голоса людей. Мария открывает глаза и видит охотников, которые выходят из чащи, – двоих громадных мужчин в куртках с капюшонами. Они отвечают на зазвучавшие вдали крики загонщиков. Трещат ветки. Из зарослей кустарника выходит олень. В ледяном воздухе звучат два выстрела, они похожи на щелчки. Животное ранено, оно падает.

Через белый туман, который вырывается из его ноздрей, олень глядит на Марию. Он знает, что она здесь. Охотники подходят к нему. Один из них ставит ногу в сапоге на бок животного и приставляет ствол ружья к его голове за ухом. Кровь дождем брызжет на снег. Глаза животного стекленеют. Ногти Марии вонзаются в дерево стола.

Вспышка.

Времена года следуют одно за другим. Деревья растут, их ветки становятся длиннее. Мария видит, как их листья желтеют и опадают, сброшенные вниз почками, которые раскрываются и выпускают на свободу новые листья. Мария поднимает взгляд. Облака летят по небу. Дни и ночи сменяют друг друга – красный закат и темная синева после него. Потом время замедляет ход, как сердце, которое останавливается. Еще один удар, еще на волосок продлевается время – проходят несколько дней, несколько часов, минуты, потом секунды. Капли дождя снова начинают стучать по плащу Марии. Дождь. Поляна. Овраги и болота. Надписи снова возникли под ее пальцами. До звонка Баннермена всего полчаса. Остается лишь ждать.

36

Треск сухих веток. Всплеск страха, жгучего, как кислота. Мария поворачивается и видит среди леса светлый силуэт. Голый человек пробирается между деревьями, шатается от усталости, его силы на пределе. Это Рейчел! Девушка в ужасе, и ее страх начинает передаваться Марии.

Очертания фигуры резче выделяются в лунном свете. Рейчел подходит к столу, останавливается рядом с Марией и опирается руками о стол. Она больше не кричит: у нее уже не хватает для этого сил. Она наклоняется и пытается отдышаться. Дождь льется ей на плечи. Руки и ноги девушки дрожат от усталости, мокрые волосы закрывают лицо. Мария смотрит на ладони Рейчел, и ее глаза наполняются слезами: пальцы вывихнуты и разбиты ударами сапог, кожа вокруг ногтей ободрана.

Вдали слышен какой-то шум. Рейчел выпрямляется и вглядывается в темноту. Ее лицо в крови. Распухшие губы девушки приоткрываются. Мария протягивает руку и касается ладонью руки Рейчел. Кожа под ее пальцами холодна как лед.

Вспышка.

Ну вот, Мария наконец вошла в тело Рейчел. Она тоже голая, и ей тоже холодно. Она чувствует сосновые иглы под ногами. Она стонет, когда раны Рейчел одна за другой открываются на ее теле. Ее рот и половые органы болят, невыносимая острая боль сверлит ее внутренности.

Новая вспышка.

Чудовищный убийца схватил Рейчел за двести метров до поляны. Закончив ее избивать, он лег на нее и разорвал на ней одежду. Ее голая спина вязнет в мягкой земле. Половой член чудовища входит в Рейчел вместе с грязью. Убийца овладевает девушкой, изо всех сил ударяясь своими бедрами в ее бедра, вдавливая их в грязь. Насилюя Рейчел, он разбивает ей зубы кулаком. Получив свое удовольствие, он дает Рейчел убежать. Это кот, который хочет поиграть с мышью.

Опять вспышка.

Рейчел встала. И нашла в себе силы бежать. Она бежит через заросли ежевики и громко кричит в темноте. Кровь на лице мешает ей видеть. Он издали замечает поляну. Убийца идет сзади нее. Он дал ей уйти немного вперед. У него есть время: охота только началась.

Снова шум, теперь гораздо ближе. Мария вздрогнула так, что едва не подскочила на месте, и убрала пальцы с кожи Рейчел, разрывая контакт. Она вернулась в свое собственное тело. Разбитые зубы срослись, опухоль на губах опала, раны, от которых горело влагиалище, зажили. Одежда ласково касается ее кожи. Мария смотрит на Рейчел. Глаза девушки округляются от ужаса, и та шепчет стонущим голосом, словно говорит с Марией:

– Боже мой, я не могу убежать.

Рейчел уходит. Ее силуэт исчезает среди деревьев. Стук дождевых капель. Потом тишина. Ее нарушают чьи-то шаги по опавшей листве. Мария поворачивается на этот звук. В темноте возникает другой силуэт, такой большой и черный, что темнота вокруг него кажется светлее. Словно вся ночь целиком идет к Марии. Это хозяин кукол. Мария чувствует абсолютное зло, которым полна его душа. Он спокоен. Он знает, что у добычи нет ни одного шанса убежать от него. Он приближается. И вот он здесь.

Убийца одет в кожаное пальто, на руках у него перчатки. Большой монашеский капюшон скрывает лицо. Он уже собирается продолжить путь, но вдруг останавливается возле стола, из-за которого на него смотрит Мария. Он решает, как действовать дальше. Он что-то почувствовал. Он нюхает воздух. Нет, не просто нюхает. Он ловит ноздрями в воздухе нужный запах. Хищник почуял добычу.

Мария хочет открыть глаза и прервать видение, но уже поздно. Продолжая принимать, этот человек поворачивается к ней. Его плечи дрожат, изо рта вырывается струйка воздуха.

Это не дыхание. Это смех! Беги отсюда, Мария!

Убийца смотрит на нее. Мария чувствует, как чернота его души перетекает в ее сознание. Он пытается войти в нее, чтобы узнать, кто она. Из-под капюшона звучит голос – мертвый голос, который говорит на неизвестном Марии языке. Бесчисленные вопросы, отрывистые, как собачий лай, отдаются эхом в уме Марии, сталкиваются между собой, смешиваются. Этот человек в ярости. Но Мария ощущает за его гневом зародыш другого чувства. Оно только возникает, и убийца пытается его скрыть. Внезапно она понимает, что убийца испуган. Это лишь капля страха в океане ярости. Но страх в такой чернейшей душе настолько необычное чувство, что Мария холодеет от ужаса. Гнев и страх – два вида горячего, которые питают ненависть. Мария понимает, что не может ждать ничего хорошего от такого убийцы, и сосредотачивает все свои силы на том, чтобы не дать ему ворваться в ее сознание. Однако противник гораздо сильнее. Мария уже готова сдаться, но в этот момент вдаль раздается громкий вопль. Рейчел упала и покалечилась.

Убийца продолжает свой путь. Он голоден. Пальцы Марии вцепляются в стол. Видение прекращается. Последний образ разбивается, как стекло. Стучит дождь. Завывает ветер.

37

Мария сгибается пополам. Ее рвет. Так с ней всегда бывает после видения. Укол боли, острый, как удар кинжала. Желудок сжимается и выбрасывает из себя принесенный увиденными образами ужас, который скопился в организме. Потом боль гаснет. Остаются мигрень и страх.

Рейчел была здесь – прошла через поляну и исчезла за деревьями. Мария встает и бежит в темноту, прикрывая лицо руками от веток. Рейчел задела на бегу вот это дерево: на нем до сих пор остался след ее воспоминания. Она коснулась вон того ствола. И остановилась возле этого, третьего. Мария тоже на мгновение прислоняется к нему и закрывает глаза.

Вспышка.

У Рейчел больше нет сил. Она так устала, что воздух свистит, вырываясь из ее легких. Ей плохо. Она хочет умереть. Она пытается остановить свое сердце. Муравьи делают это, когда не могут уйти от хищника, который гонится за ними. Но у нее это не получается. Проклятое сердце продолжает стучать. Сзади нее слышен шум. Рейчел подавляет плач и бежит дальше. Ее мокрая кожа блестит между деревьями.

Мария так же, как Рейчел, продолжает бежать наугад через подлесок. От ужаса у нее подкашиваются ноги и так сжимается горло, что трудно дышать. В наушниках раздается треск, а потом голос Баннермена:

– Мария, ты меня слышишь?

Она не отвечает: она бежит. Она обнаружила усыпанную песком тропинку, которую нашли и ноги Рейчел. По этой тропинке можно бежать быстрее. Мария видит на песке следы босых ног девушки. Она бежит так быстро, как только может. Ее лодыжки изгибаются в мягком песке. Вдруг Мария спотыкается о корень ели и падает на живот, подавляя начавшийся в груди крик. Вот где упала Рейчел! Здесь девушка сломала ногу и во все горло закричала от боли. Пальцы Марии сжимают песок.

Вспышка.

Рейчел больше не может бежать. Она проиграла. Она оборачивается и видит силуэт хищника, который идет за ней следом. В его одетой в перчатку руке блестит кинжал. Рейчел видит этот блеск. Она плачет и принимается рыть руками песок, пытаясь спрятаться в нем. Она зовет своего отца, умоляет его прийти на помощь. Девушка вспомнила тот день в детстве, когда ее случайно заперли в темном подвале. Вспомнила чудовищ, которые ползли к ней тогда, и мертвые пальцы, которые хватали ее за лодыжки, и пауков, цепляющихся за ее волосы. В тот раз отец зажег свет и взял ее на руки. Она вспомнила мускулистые руки отца, приятный запах его одеколона. И теперь Рейчел именно его зовет на помощь, когда сапог убийцы давит ее лицо в песок. Она умоляет о пощаде, говорит, что не хочет умирать. Но убийца ее не слушает: он больше не играет.

Мария закрывает глаза, лежа на песке. Здесь след Рейчел пропадает. Как будто лес съел все признаки того, что она была на этом месте. В наушниках снова раздается голос Баннермена. Тяжело дыша, шериф требует:

– Черт возьми, Мария, объясни мне, что происходит!

Она открывает глаза. Дождь прекратился. Наступил туманный рассвет, в лесу стало светлее, и Мария видит на песке красное пятно. Она дотрагивается до него пальцем, потом подносит этот палец к губам. Кровь! Она берет в руку передатчик и отвечает:

– Все порядке, Баннермен. Оставайтесь сзади: я продолжаю идти по следу.

38

Мария морщится от боли, пронзившей лодыжку, ослабляет шнурки и обматывает больной сустав платком. Потом медленно переносит тяжесть своего тела на другую ногу. Боль отступает, и Мария снова переключает свое внимание на пятна крови. Именно здесь, где она их нашла, кончаются следы Рейчел. Именно здесь девушка как будто испарилась. Мария осматривает отпечаток, оставленный в песке телом девушки, когда та упала на живот.

Касается пальцами вмятин, которые оставило на дороге лицо Рейчел, когда убийца давил ее голову своим сапогом.

Мария проходит по тропинке еще несколько шагов и наклоняется, чтобы рассмотреть глубокие и равномерно расположенные отпечатки, которые оставили в земле сапоги убийцы после того, как он снова схватил Рейчел. Она ощупывает эти следы концами пальцев. Сначала почвы касалась широкая, четко очерченная пятка, затем подошва, которая прижималась к ней

постепенно, и, наконец, носок, который вдавливался глубоко и засыпал песком остальную часть следа. Этот человек шел широкими шагами. Он знал, куда идет.

Мария заметила, что следы правой ноги глубже, чем те, которые оставила левая. Она прошла по следу в обратном направлении. Во многих местах вдоль него остались капли крови. Мария закрыла глаза. Убийца несет Рейчел. Девушка еще не умерла. Он тащит ее в свое логово.

Из кустов вылетел фазан и исчез в низко нависшем над землей небе. Вдали закричала кукушка. Раздался стук – это начал долбить дуплистое дерево зеленый дятел. Лес просыпается.

Следы продолжали вести Марию по тропинке и оборвались у подножия старого дуба. На этом месте убийца свернул с тропы. Мария видит за деревьями развалины церкви. Из тумана выступают несколько старых, изъеденных мхом каменных крестов. Она достает из кобуры пистолет и вынимает из него обойму, чтобы проверить, полностью ли он заряжен. В утреннем полумраке патроны слабо поблескивают в своих гнездах. Мария снимает пистолет с предохранителя. Бежать она уже не в силах, но стрелять еще может. Внутренний голос шепчет ей, что против такого убийцы пистолет бессилен, но Мария отказывается его слушать. Она привязывает к ветке клочок красной шерсти и сходит с тропы под деревья.

39

Туман обвивается вокруг Марии. Гремит железо: она задела ногой за колючую проволоку. Мария отбрасывает ее ударом пятки, огибает живую изгородь из колючих кустов и выходит на широкую дорожку, которая извивается между развалинами. Старые каменные плиты, которыми вымощена дорожка, поросли мхом. Шаги Марии гулко стучат по этим камням. Она только что дошла до паперти и переступила через кучку обломков, которая указывает, где раньше были двери. На нее смотрит Христос со старого, изъеденного ржавчиной распятия над входом.

Внутри сквозь щели между почерневшими балками проникает свет звезд. Пол усеян обгоревшими скамьями и полусгнившими скамеечками для молитвы. Пахнет сыростью и древесным углем. Мария закрывает глаза и слышит далекое эхо – сохранившийся до сих пор отзвук громких криков, которые звучали здесь когда-то давно. Она вспоминает статью из старой газеты, которую когда-то нашла на чердаке у своих родителей. В рождественскую ночь 1926 года крыша церкви обрушилась на прихожан во время всенощной. Триста верующих пели «Аве Мария» в тот момент, когда взорвался старый котел отопительной системы церкви. Огонь перекинулся на бархат, которым были обиты стены, потом уничтожил крышу, а после этого добрался до людей. Мужчины в сюртуках и напудренные женщины перелезли через стариков и бросились к тяжелым дубовым дверям. Но двери были заперты: сторож закрыл их, чтобы дети не выходили на паперть и не шумели там. Мария поняла, что слышит, как кричат души тех, кто сгорел в тот день.

Она открывает глаза. Вопли прекратились. Только ветер свистит в балках, и горстка сухих листьев кружит среди перевернутых молитвенных скамеек. Тишина.

Она идет среди развалин церкви. Луч ее фонаря освещает покрытый сажей пол, куски железа, трупы летучих мышей и осколки стекла – куски витражей. Внезапно она замечает на камнях свежие пятна крови. Мария сосредоточивается, и ее слух улавливает вдалеке шум воды. Это дождевая вода течет где-то под землей. Мария обходит вокруг хоров и направляется к темному четырехугольнику, который выделяется на фоне стен в глубине церкви. Это занавес, и именно перед ним обрывается след из пятен крови. Мария кончиками пальцев отводит в сторону ткань и направляет в щель луч своего фонаря. Тьма за занавесом такая густая, что фонарь почти не освещает ее, но Марии все же удается разглядеть лестницу, которая спускается в темноту. Она наклоняется ниже, и ей ударяет в нос, словно кулак, зловоние подземелья. Запах плесени и вместе с ним запах старых могил – смесь аромата ладана и зловония мертвой

плоти. От этой сладковатой вони Марию начинает тошнить. Ее охватывает ужас, но Мария борется с ним: сейчас главное – не сдаться страху. Через минуту ей удастся победить. В этот момент в наушниках раздается треск, а потом начинает говорить Баннермен. Его голос звучит тихо и часто прерывается, словно шериф кричит издалека.

– Мария... мы дошли до поляны... Где остальные метки?

Треск радиопомех.

– Черт! В какую сторону ты пошла, Мария?

Мария шепчет в свой передатчик:

– Я обнаружила лестницу.

– Что? Я плохо тебя слышу. Что ты нашла?

– Лестницу в развалинах церкви.

– Но, ради бога, где твои остальные метки? Остановись и дождись нас. Тут что-то не так: это слишком просто!

Баннермен пускается бежать. Он ищет следы Марии, но не находит. Обессилив и задыхаясь, он орет в свой передатчик:

– Мария, черт побери, это ловушка! Ты меня слышишь? Я уверен: это гребаная ловушка!

Но Мария его не слышит: старый пыльный занавес закрылся за ее спиной.

40

Мария спускается по ступенькам, стараясь не поскользнуться. Воздух вокруг нее неподвижен. Он такой густой, что ей кажется, будто она дышит через пластиковый пакет. И он пропитан вонью мертвой плоти. Здесь жарко. Тишину нарушает стук водяных капель.

Мария слышит шорох: какие-то существа копошатся в темноте, приближаются друг к другу и собираются вместе. Она дотрагивается до стен и вздрагивает: ее пальцы нащупывают паутину. Мария закрывает глаза и начинает напевать детскую считалку, чтобы не поддаться панике. Над ее головой что-то шуршит. Нет, это топот бесчисленного множества членистых лапок по потолку. Она поднимает голову, и в этот самый момент покрытое волосками существо шлепается ей на лицо и вцепляется в него. Жесткие шелковистые лапки щекочут ее губы, ощупывают щеки. Мария подавляет крик и сбрасывает с себя насекомое, оно отцепляется от нее. Потом она ставит носок ноги на следующую ступеньку – и ее подошва погружается во что-то мягкое. Оно извивается у нее под ногой, а потом лопается, как перезревший фрукт. У Марии кровь застывает от страха. Какие-то мягкие и липкие на ощупь существа копошатся и на потолке, и у нее под ногами, пытаются вцепиться ей в волосы, бегут к ней по стенам, чтобы укусить ее за руки. Она слышит топот их маленьких мускулистых лапок. Это гнездо тарантулов! Она идет вперед, ступая по паукам, которые кишат на ступеньках, взвизгивает от ужаса и машет руками, стряхивая тех, которые цепляются за запястья. Эти пауки питаются трупами. Главное – не упасть.

Чем ниже спускается Мария, тем сильнее становится запах трупов. Ей кажется, что стены шевелятся под ее пальцами. Целые грозди червей сползают вниз по ее рукавам. Она добралась до недр земли – до внутренностей земли, которая ест людей. Ей кажется, что она идет уже целый час. Мария даже не знает, спускается она или поднимается. Как такое возможно – заблудиться на лестнице?

Под ее ногами снова ровный пол: Мария вышла в какой-то подземный ход. Пол здесь гладкий и вымощен плитам. Она ускоряет шаг, чтобы как можно быстрее оказаться далеко от темного зева лестницы. На другом конце прохода она видит желтый свет: там горит факел.

Мария на ощупь пробирается по коридору. Она идет на этот свет, как ночная бабочка летит на огонь лампы. Запах трупов становится таким сильным, что Мария задыхается. Ей

кажется, что воздух вокруг нее стал густым туманом, пачкает ее одежду и глубоко затекает в горло.

Подойдя ближе к кругу света, который излучает факел, она начинает видеть блестящий от влаги пол под ногами, серые стены и пряди корней, которые пробили себе путь сквозь камни потолка. Потом она опускает взгляд и замечает маленькие капли свежей крови на плитах пола. Вот почему пауки словно с цепи сорвались: они почувствовали кровь, которая лилась из ран Рейчел, когда убийца нес девушку по лестнице. Они учуяли запах свежей пищи и помчались вниз, чтобы напиться этой крови. Мария вздрогнула: она поняла, что пауки не выпустят ее обратно.

Ну вот, наконец, она в круге света. Подземный ход закончился потайной дверью с тяжелыми чугунными засовами. Мария толкает эту дверь. Петли скрипят. Факел качается в потоке теплого воздуха, который вырывается из дверного проема.

41

Мария оказалась в большом склепе. Здесь горят сотни уже наполовину растаявших свеч и по стенам скользят огромные тени, отброшенные их дрожащими огнями.

Ее глаза, которые были слепыми на темной лестнице, начинают привыкать к движущемуся полумраку склепа. Напротив нее – узкий проход, пол в нем мозаичный, с квадратным узором. Вдоль каждой стороны прохода – ряд деревянных скамей. Прищулив глаза, Мария различает молитвенные скамеечки и чьи-то силуэты на них. Сердце замирает у нее в груди: в склепе стоят на коленях люди. Их спины согнуты, ладони сложены вместе, некоторые из них свалились на своих соседей. Это разложившиеся трупы с длинными волосами и заостренными ногтями – почтенные мужчины в сюртуках и высохшие старые дамы с сумочками, четками и молитвенниками, которые покрылись пылью. Бывает молитва об умерших, а это – молитва умерших. Вот откуда идет отвратительная вонь.

Мария идет обратно по центральному проходу. Ее шаги гулко звучат в тишине. У нее дрожат руки. Она ошиблась: этот убийца – не хозяин кукол. Это убийца-монах, убийца-мистик. Он верит, что слышит голос Бога. Она снимает свой пистолет с предохранителя и пятится по проходу: так ей удобнее вглядываться в темноту. Продолжая идти назад по проходу, Мария замечает, что трупы, на которые она натывается, сохранились лучше остальных. Это тела, вырванные из тишины могил, мясо на них почернело.

В дрожащем свете свеч жужжат тучи насекомых. Мария поднимает взгляд и застывает на месте. Своды склепа покрыты гроздьями спящих мух. Другие мухи кормятся на трупах. Но это не все. Над алтарем к стене прикреплены пять огромных крестов. Один из них, средний, освещенный факелами, пуст. На остальных, которых по два с каждой стороны от среднего, сидят мухи.

Мария стоит неподвижно перед алтарем и не может отвести взгляд от четырех человеческих тел, прибитых гвоздями к этим крестам. Факелы освещают их лица. Мэри-Джейн Барко, Патриция Грей, Сэнди Кларкс и Дороти Бракстон – четыре женщины, пропавшие из Геттисберга. Судя по тому, насколько разложились трупы, все четыре были убиты уже в день своего исчезновения.

В темноте раздается стон. Мария оборачивается и видит на первой скамье стоящую на коленях голую фигуру. Кроме нее, на этой скамье никого нет. Другие скамьи уже заполнены мертвецами, которые, прижавшись друг к другу, слушают тишину.

Мария подходит ближе. Фигура на первой скамье – это Рейчел. Голова девушки опущена на ладони, она лежит животом на поднимающейся части молитвенной скамеечки. Мария подходит еще ближе и касается рукой ее волос. Светлые локоны Рейчел обвиваются вокруг ее

пальцев и падают на пол без шума, как кукольные. Страх был таким сильным, что теперь от него волосы выпадают!

Плечи Рейчел зашевелились. Она поднимает голову – и Мария прикусывает себе губы, чтобы не вскрикнуть: у Рейчел нет глаз. Только пустые глазницы – две кровоточащие дыры, которые глядят в черную ночь. В темноте раздается слабый, полный ужаса голос:

– Это ты, папа?

– Рейчел, это я, Мария.

– Мария? Ох, Мария, я тебя не вижу.

Непрерывно водя из стороны в сторону пистолетом, Мария шепнула Рейчел на ухо: «Тихо!», обняла ее рукой за плечи и попыталась поднять. Девушка всхлипнула от боли, и Мария поняла почему. Она увидела гвозди в запястьях и локтях Рейчел и другие ржавые гвозди, которые пробивали берцовые кости девушки и прикрепляли ее ноги к молитвенной скамейке. Гвозди с большими головками, вбитые в дерево.

– О господи! Рейчел, кто это сделал?

– Калеб.

– Калеб? Его так зовут?

Вместо ответа – тишина. Мария шепчет:

– Рейчел, где Калеб сейчас?

Пустые глазницы долго глядят на Марию, словно Рейчел изучает ее взглядом. Потом девушка хочет что-то сказать, и, когда она открывает рот, Мария видит ее разбитые зубы. Рейчел плачет. Нет, она хихикает. Она усмехается, и у Марии от этого кровь стынет в жилах: Рейчел сошла с ума.

– Он убьет тебя, Мария. Он схватит тебя и убьет. Но сначала он прибьет тебя рядом со мной. Он прибьет тебя гвоздями, и мы будем молиться вместе. Мы будем вечно молиться за него. Он идет сюда, Мария. Он уже здесь.

Мария едва успевает повернуть голову и увидеть огромный силуэт, появившийся из мрака. Потом что-то ударяет ее по затылку, и у нее подкашиваются ноги. Сверкает белая молния. Рейчел усмехается. Она опустила голову на руки. Ее губы шевелятся – может быть, она молится. В наушниках Марии раздается треск. В последний раз из них звучит разорванный на клочки помехами голос Баннермена. Мария едва успевает включить пеленгатор, спрятанный у нее в кармане, и пляшущий огонь свеч гаснет.

42

Тишина. Марии кажется, что она плывет в глубине океана. Высоко, очень высоко наверху искрится голубая вода. Там поверхность океана и солнце над ней. Отсюда Мария видит их как блестящую точку за стеклом. Это так далеко.

Она опускается в неподвижные глубины. Ей холодно. Голубоватый свет гаснет, и она оказывается в темноте. Ее нервные окончания отключаются одно за другим. Больше никакие ощущения не беспокоят ее ум. Черная вода втекает ей в рот и заливают легкие. Ее сердце уже почти не бьется. Больше нет ни одного шума, ни одного дуновения. Мария умирает.

43

Рассвет. Шериф Баннермен и его помощники только что добрались до развалин. Они задыхаются от бега. Когда они поняли, что Мария идет прямо в пасть волку, они побежали следом за ней, чтобы догнать. Впереди они пустили собак-ищеек, больших охотничьих блаухаундов. Псы учуяли запах Марии и громко залаяли. Баннермен и его люди помчались за ними со всех ног, подбадривая их криком, как при охоте на оленя, и давая размотаться поводкам.

Они не берегли себя и мчались, обливаясь потом и тяжело дыша, через заросли ежевики и папоротников.

На середине поляны собаки задержались возле стола, за которым недавно сидела Мария. Баннермен напрасно искал метки, которые она должна была здесь оставить. Одна из собак нашла путь убийцы. Когда она принюхивалась к его следам, ее хвост был опущен, а хребет дрожал. Потом свора побежала по более свежему следу, который был найден главным псом среди деревьев. Отряд миновал песчаную тропинку, нашел метку из красной шерсти и увидел вдалеке развалины. Баннермен и его люди еще никогда не бежали так быстро. Но они опоздали. Марии больше нет. Они чувствовали это по шелесту леса, по давящей тяжести тишины и по жалобному стону ветра в вершинах.

Силы шерифа на пределе. Он прислоняется к маленькой стенке и снова включает радиостанцию.

– Мария, ты меня слышишь?

Баннермен снимает палец с кнопки «передача». Треск из-за помех, а Мария по-прежнему молчит. Он смотрит на часы: она слишком долго не отвечает. И вся эта неразбериха – из-за ее дурацких капризов медиума.

Когда исчезла Рейчел, у Баннермена в мозгу словно перегорели предохранители. В то время он надеялся, что девушка еще жива и что Мария сможет ее спасти. Поэтому он отпустил Марию в лес и дал ей полчаса работать одной. Но потом он сам пошел следом за ней. Теперь он чувствовал себя так, словно привел Марию на смерть или сам вогнал ей пулю в висок. Теперь он будет должен жить с этим – как те беспечные водители, которые сбивают ребенка на пешеходном переходе, а потом каждую ночь видят это во сне и просыпаются с криком. Он теперь постоянно будет видеть во сне Марию, которая уходит в лес. Видеть, как ее спина исчезает за деревьями, слышать, как ее голос гаснет в темноте.

Баннермен переводит помпу своего дробовика в заднее положение и заряжает его двенадцатью пулями – такими, с которыми идут на кабана. Это будет кавалерийская атака среди бела дня. Мария ее вполне заслуживает. А в самом худшем случае он все-таки сможет повесить голову убийцы над своим камином.

Он уже приготовился отдать приказ наступать, но тут тишину нарушает сигнал его мобильного. Звонит его помощник Барни. И сообщает, что ему только что позвонили из бостонского отделения ФБР. Они шлют сюда подкрепление – отряд бойцов на вертолете, в том числе снайперов. Он уже летит напрямую к развалинам.

– Блин, Барни! Зачем ты им сказал, где мы находимся?

– Вы, наверное, не поняли меня, шеф. Они сами узнали, где Мария: поймали сигнал пеленгатора, который она постоянно носит при себе.

– Какой пеленгатор?

– Маяк, который агенты ФБР носят с собой во время задания и включают лишь в том случае, когда им угрожает смерть. Мария включила его как раз перед тем, как они мне позвонили.

– Где? Где она его включила?

– Судя по тому, что сигнал слабый, она, должно быть, находится на глубине нескольких десятков метров под землей.

– Но где, черт бы тебя побрал?

– Под развалинами. Под остатками церкви, конечно, есть система подземных ходов.

Тишина. Потом голос Барни трещит в мобильнике:

– И еще вот что, шеф. Эти люди из ФБР сказали мне, что они теперь знают, с какого рода убийцей имеют дело.

– И что?

– А то, что вам и вашим людям лучше стоять в стороне.

Какой-то шум вдалеке. Баннермен поднимает взгляд и видит над самыми кронами деревьев приближающийся вертолет. Его горло сжимается от тревоги и тоски. Он пытается проглотить этот ком в гортани, потом переключает радиостанцию на другую частоту, настраивает ее на максимальную громкость и говорит:

– Мария, это я, Баннермен. Я знаю, что ты сейчас где-то под землей и, должно быть, дышаешь от страха. Я даже не знаю, слышишь ли ты меня, но мне это по хрену. Поэтому я буду говорить с тобой до конца, чтобы ты слышала мой голос, чтобы слушала его и держалась там, пока твои дружки из ФБР будут вытаскивать тебя оттуда. Умоляю тебя, Мария, постарайся держаться.

44

Шлеп. Шлеп.

Это капли разбиваются о цемент. Мария вздрагивает. Где-то в ее уме зажглась маленькая искра. Ее мозг просыпается постепенно, как темная комната, в которой одна за другой с треском зажигаются неоновые лампы. Ее слух улавливает звук капель, которые падают где-то очень далеко. Она медленно возвращается на поверхность жизни – снова начинает ощущать свое туловище, руки и ноги. И чувствует странную дергающую боль в мышцах.

Бам.

Это другой звук, гораздо сильнее первого. Он похож на удар молота по стене – нет, по дереву. Это гулкая жалоба дерева, по которому плотник бьет изо всех сил. Стук металла по дереву и скрип гвоздей, которые вонзаются в сердцевину балки. В сознании Марии зарождается страх. Это лишь легкий испуг, струйка чернил в прозрачной воде. Но ее ум, в который постепенно возвращается сознание, отчаянно старается снова уснуть, чтобы уйти от этой щекотки, которая распространяется по телу.

Бам.

Мария вздрагивает. Теперь все ее тело дрожит от этого звука. Она чувствует жжение – сначала слабое, потом все сильнее, словно к ее телу все ближе подносят горящую сигарету. Судорога сводит ее икры, потом бедра и живот.

Бам.

Каждый звук порождает ударную волну в плечах Марии, в ее позвоночнике, бедрах и лодыжках. Теперь ее мозг уже совсем проснулся, и то, что он обнаруживает, заставляет его похолодеть от ужаса.

Бам.

Ее руки и бедра раздвинуты в стороны. Она совершенно голая. Она чувствует прикосновение шершавого дерева к спине, жжение от заноз, которые каждый удар глубже вгоняет в ее кожу. Она чувствует что-то вроде вспышки в животе: это обезумевшие внутренности обильно выделяют кислоту страха. Вены вбирают страх в себя и несут его к другим органам тела, к рукам и ногам, которые все еще не отвечают на команды мозга. Мария пытается сжать кулаки. Это ей не удается.

Бам.

Снова этот звук, такой сильный теперь. Чувства Марии реагируют медленно из-за зловонного запаха, которые ее окутывают, но она вспоминает стук дождя по сухим листьям и силуэт Рейчел, которая пробирается между деревьями. Потом она вспоминает склеп, мертвые тела на молитвенных скамеечках и распятые трупы. И наконец вспоминает о пятом кресте.

Бам.

Сердце Марии начинает бешено стучать. Она чувствует, как острое гвоздя проходит сквозь нее и вонзается в балку. Стальной гвоздь входит в дерево, пробивая мышцы и сухожилия ее запястья. Какая-то жидкость течет по ее рукам и под мышкам. Ее груди намокли от

этой густой как смола жидкости, которая стекает по животу, а оттуда падает вниз крупными каплями. Эти капли и стучат по полу.

Шлеп. Шлеп.

Мария открывает глаза и видит толстый кожаный ремень, которым привязана ее рука. Она видит свою раскрытую ладонь, прижатую к балке, и чужие пальцы, которые прижимают эту ладонь к дереву. Ее запястье распухло, и из него торчит головка гвоздя. Мария видит молоток, который снова поднимается и с огромной скоростью обрушивается на гвоздь.

Бам.

Мария чувствует, как отверстие, пробитое гвоздем в балке, становится шире и гвоздь глубже вонзается в ее тело. У нее вырывается звериный вопль. Она поворачивается и видит Калеба. Он смотрит на нее, и его безжизненное лицо ничего не выражает. Он стоит очень близко к ней. Его глаза блестят в тени капюшона. Потом ледяная рука убийцы сжимает ее запястье, а вторая рука снова поднимает молот.

Бам.

Гвоздь исчезает в глубине мышц. Раздается щелчок: его головка застряла между сухожилиями. Странно: гвоздь входит в тело, а рана при этом совершенно не болит. Как будто тело Марии не чувствует боли, как будто руки и ноги, которые убийца прибавляет к кресту, – не ее собственные. Но скоро ей станет больно. Мария чувствует, что боль уже начала свой путь и прокладывает себе дорогу по оцепеневшим нервам. Боль приближается.

45

Убийца, поглощенный своей работой, стоит так близко от Марии, что ее волосы шевелятся от его дыхания. Его сердце бьется медленно: он не испытывает никаких чувств. Потом дыхание удаляется от волос, и Мария слышит, как он спускается по лестнице, которую поставил к кресту, а потом слышит стук его шагов по полу склепа и всхлипывания Рейчел. Она наклоняется, чтобы увидеть девушку, и только теперь чувствует боль от гвоздей в руках и ногах. Мария осознает, что ее подвешенное в воздухе тело держится только на запястьях и лодыжках, прибитых к дереву креста. И что они растягиваются и рвутся вокруг гвоздей.

Внезапно на Марию обрушивается боль. Ее волны приходят из такой дали, что Марии кажется, будто это никогда не прекратится. Боль брызжет из запястий и заставляет кожу рук Марии стучать о балку. Боль вспыхивает в коленях, локтях, животе и лодыжках. Мария закрывает глаза, вопит как зверь. Вспышка боли поднимается к ее плечам и застревает в сплетении. Мария пытается пошевелить руками и сжать бедра, но чувствует, как сухожилия запястий трутся о гвозди. Она чувствует в мышцах бедер уколы стали – это в тело вонзаются большие стальные гвозди, которые вбиты наискосок по бокам ее больших берцовых костей.

Пытка на кресте. Мария борется с напряжением, от которого вытягиваются ее мышцы, с необходимостью сжиматься, чтобы не повиснуть всей тяжестью своего тела на гвоздях. Именно от этого невыносимого натяжения дрожат ее мышцы, от него она теряет силы и задыхается. Когда сил почти не остается, она пытается ослабить напряжение в руках и ногах, но гвозди причиняют такую боль, что она громко кричит и снова вытягивается. Каждая жилка ее тела реагирует на эти пронзающие Марию острия.

Мария начинает задыхаться и расслабляет мышцы. Потом снова напрягает и опять расслабляет. Это повторяется много раз, и наконец она уже не может больше ни сжиматься, ни расслабляться. Что бы она ни делала теперь, какое бы движение ее ум ни подсказал телу, чтобы избавиться от затопившей его боли, она чувствует, как ее мышцы и кожа натягиваются вокруг гвоздей, а гвозди медленно разрывают их, как ее тело расступается под давлением гвоздей и рвется. Силы ее плоти подходят к концу. Мария признает себя побежденной, прекращает

борьбу и начинает плакать. Из ее глаз льются большие тяжелые слезы, она кричит, как зверь в предсмертной муке, и ее хриплые вопли отдаются эхом в темноте склепа.

На нее смотрят четыре исчезнувшие женщины из Геттисберга, распятые рядом. Их разлагающаяся плоть не держалась за гвозди, и Кaleb привязал их каркасы к крестам ремнями, чтобы они не упали.

Мария сквозь слезы глядит на их пустые глазницы, потрескавшуюся кожу их лиц и расплюснутые губы, которые они, умирая, сжимали от боли. Их ладони наконец отцепились от гвоздей и висят свободно, руки привязаны к крестам ремнями. Сколько времени эти женщины провисели в воздухе? Сколько времени они то напрягались, то расслаблялись, стараясь уйти от боли, которую причиняли гвозди? Сколько дней провели в этой вонючей мертвецкой, прежде чем смерть их освободила?

Ее охватило отчаяние. Оно было даже сильнее боли. Мария попыталась задержать дыхание, чтобы умереть быстрее. Она вытерпела лишь несколько секунд: давление воздуха в легких заставило ее мышцы снова сжаться и вызвало новый взрыв боли. Мария опустила вниз на гвоздях и снова заплакала.

Сквозь слезы она видела Калеба, который стоял у подножия креста и смотрел на нее. Он не упускал ни одного ее движения. Кажется, его тревожит то, что она тратит столько сил, чтобы отсрочить неизбежное. Стоны Рейчел у него за спиной прекратились, ее голова неподвижно лежит на ладонях. Рейчел умерла.

46

Калеб неподвижно стоит у подножия алтаря. Он раскинул руки в стороны ладонями вверх, к небу, словно общается с потусторонними силами. Мария всматривается в темноту под его капюшоном и видит холодный блеск глаз – два сверкающих огня, как будто отражения пламени свеч в двух стеклах.

Его кожаный плащ расстегнут. Под плащом на нем черная монашеская ряса. В темноте на его груди блестит тяжелый серебряный медальон, украшенный рисунком. Пятиконечная звезда и в центре изображение демона с козлиной головой – символ почитателей Сатаны.

Мария смотрит на поднятые руки Калеба, на кожу его предплечий, которые выступают из рукавов рясы. У него широкие ладони и черные ногти. В ладонях много заноз. Кожа от запястий и до локтевых сгибов покрыта татуировкой. Рисунок нанесен острием ножа, а потом надрезы заполнены чернилами. Татуировка изображает пламя, окружающее крест цвета крови. Возле локтевого сгиба концы языков огня соединяются, окружая крест, и сплетаются между собой. Они образуют какое-то слово, но Марии не удастся его прочесть. Потом ее взгляд снова встречается со взглядом Калеба и погружается в глубину его глаз, как в бездонную пропасть. Мария знает, что не может ждать сострадания от убийцы такого типа. Она понимает, что должна умереть. Тогда она закрывает глаза и вытягивается на гвоздях, чтобы растравить раны и умереть скорее.

– Мария? Ты... слышишь меня, Мария?

Это долетел до нее из наушников далекий прерывающийся голос Баннермена. Мария вздрагивает так сильно, что всхлипывает от боли. Баннермен. Она поворачивает голову в сторону своей одежды, которую убийца оставил лежать на полу. Радиопередатчик продолжает работать, и инфракрасные наушники доносят до нее голос шерифа. Она прислушивается.

– Мария? Держись.... Группа захвата уже близко.

Треск. Голос Баннермена замолкает. Снова тишина. Мария закрывает глаза.

Что ты сказал, Баннермен? О господи, что ты сказал?

Она задыхается. Силы покидают ее. Ей нужно выиграть время. Она ищет слова, взвешивает их, пытается анализировать то, что ей известно о Калебе, чтобы как можно точнее соста-

вить его психологический профиль. Ей непременно надо понять, как работает его ум, и найти ошибку в его логике. Но ей плохо. Приступы боли, словно лезвия, пронзают ее мышцы. Каждый раз, когда она вздрагивает, ее суставы едва не ломаются. Ей нужно действовать быстро, пока она не потеряла сознание.

И тогда она рискует – начинает говорить. Вначале – биографические данные: может быть, убийца перестанет видеть в ней только бездушный кусок мяса.

– Меня зовут Мария. Мария-Меган Паркс. Я родилась 12 сентября 1975 года в Геттисберге, штат Мэн. Моих родителей звали Дженет Коул и Пол Паркс. Они жили в фахверковом доме по адресу: Милуоки-Драйв, 12. Я ходила в школу нашего округа, в класс мисс Фредерикс. У меня были хорошие отметки по всем предметам, кроме математики. Это оттого, что я плохо видела цифры. Знаете, как это бывает: твой мозг закончил пример на сложение, и в этот момент цифры начинают плясать у тебя перед глазами.

Упомянуть о родителях и о том, что ее корни здесь, в Мэне, – это была хорошая мысль. И хорошо, что она упомянула о цифрах – об абстрактном понятии. Убийца сам когда-то был ребенком, это может сработать. Острый укол боли – губы Марии кривятся от страдания. Не делать ни перерыва между словами, ни паузы! Она снова начинает говорить:

– Мой брат Аллан умер в девять лет от лейкемии. Врач понял, что брат болен, когда провел черенком вилки по коже его икры. На следующий день кожа Аллана там, где врач потер ее вилкой, была синей. Вы это себе представляете? Синяя кожа!

Тишина. Мария кусает губы, чтобы подавить слезы. Нельзя выглядеть как жертва: убийцы обожают убивать жертв!

– Аллан похоронен на кладбище в Гранд-Рапидс, штат Огайо. Там живет моя бабушка Альберта Коул. Она взяла брата к себе, когда наступили его последние дни. В ночь перед его смертью я вошла в его комнату. Аллан сидел на кровати, он был очень худой и совсем лысый. Я помню, что он читал рождественский каталог и обвел красным фломастером названия нескольких игрушек. Я всегда считала, что это я убила Аллана – отравила его кровь, когда подбросила ему в апельсиновый сок обрезки дерева из точилки для карандашей. Я никогда не говорила об этом маме, но я и теперь уверена, что убила Аллана.

Господи, как мне плохо...

Тишина. Голос Марии на мгновение обрывается, потом она продолжает:

– Еще у меня есть пес по имени Барнс. Точнее – *был* пес, старый слепой лабрадор. Прошлым летом он погиб под машиной. Я похоронила его в своем саду. Я о нем ужасно скучаю.

Вдруг бешеная ярость начинает жечь ей грудь. Мария пытается сдержаться, но ей это не удается.

– Я демократка и протестантка. У меня есть счет в банке Бангора. Покупки я делаю у этих подонков из «Вал-Марта». Ах да, я забыла. Еще я курю «Олд Браун», борюсь за разрешение аборт, потеряла невинность в шестнадцать лет и с тех пор трахаю всех мужиков, которые мне попадают. И девчонок тоже трахаю! Я обожаю красивых девушек. Мне нравится их гладкая кожа и вкус их половых органов на моих губах. Но главное – меня зовут Мария. Мария-Меган Паркс. *Ты это слышишь, мразь, которая жрет трупы?* Мое имя Мария-Меган Паркс и мне насрать на тебя!

– Я приветствую вас, Мария.

47

Мария вздрогнула так сильно, что ее суставы затрещали, ударившись о дерево креста, и боль завибрировала в сухожилиях и костях. Контакт установлен, теперь надо любой ценой поддерживать его.

– Умоляю вас, скажите мне еще что-нибудь.

Кaleb смотрит на нее. Его руки подняты в молитвенном жесте. Его тело блестит в темноте. Мария чувствует, как ее руки и ноги тяжелеют. Тошнота терзает ее живот, и уже начинается рвота. Снова треск в наушниках. И в ее сознание входит по слуховым путям голос Баннермена:

– Мария... они здесь... Ты меня слышишь?

Чертов толстый дурак Баннермен! Бойцы из ФБР здесь. Мария плачет от счастья, услышав это.

В темноте снова звучит голос Калеба. Похоже, что он выбирает слова. Похоже, что он играет этими словами или любит ими. Нет – это другие голоса говорят через него. Десятки голосов. Они звучат сначала далеко, потом ближе. Как будто вдали лает свора собак. *Господи! Он говорит, но его губы не шевелятся.*

Голоса объединяются и вырываются из открытого горла Калеба. Они налетают на Марию как шквал, охватывают ее и топят в звуках. Они так сильны, что Марии кажется, будто одновременно с Калемом кричат еще тысячи глоток. На поверхность этой какофонии всплывают вопли отчаяния, и Марии удается выделить их из общего шума. Она различает крики ненависти и призывы на помощь. Это голоса бесчисленных жертв Калеба – женщин, детей и стариков. И вдруг на их фоне, как звук рога во время бури, раздается голос Калеба:

– Я весы и гиря. Я бедствие, которое взвешивает души. Я старший мастер на стройке Творения. Я рычаг, который поднимает мир. Я Другой, противоположный всему, я ничто и пустота, я рыцарь Преисподней. Я Странник.

Крики прекращаются, буря голосов утихает. Слышны только треск свеч и жужжание мух. Кaleb закрыл глаза. Он в трансе. В его руке слабо блестит стальное лезвие, покрытое надписями в честь Сатаны. Это ритуальный кинжал. Сейчас начнется обряд. У Марии стучат зубы от страха. Этот стук прерывается, когда ей кажется, что она видит, как темные тени тихо проскальзывают в дальнюю часть склепа.

Она прищуривает глаза и различает примерно тридцать фигур, которые пробираются среди трупов. Потом она снова переключает внимание на Калеба – и вздрагивает от ужаса: он тоже глядит на нее. Его глаза освещает улыбка. В склепе раздается свист лазерных прицелов, и в этот момент Мария понимает: Кaleb знает, что они здесь. Он почувствовал их еще в тот момент, когда они шагнули на первую ступень первой лестницы. Нет, еще хуже: он знал, что они придут сюда. Все, что он сделал, было сделано именно для этого. Он все организовал, все спланировал. Кaleb умелый мастер манипуляции. Он оставил после себя ровно столько следов, сколько было нужно, чтобы заманить Марию в свои сети. Похищая Рейчел, он знал, что именно Мария пойдет по его следу. Он знает ее и знает, что она видит то, чего не видят другие.

Красные точки лазерных прицелов остановились на рясе Калеба. Как на тренировке, каждый стрелок прицелился в жизненно важный орган и замедлил дыхание. На стрелках шлемы с инфракрасными прицелами и тепловыми датчиками. Они не могут промахнуться. Они разрежут его, распилят пополам при первом же его движении. В темноте раздается голос:

– ФБР! Не двигаться!

Мария смотрит на Калеба. Он предвидел, что умрет здесь. Ему нужно умереть именно сейчас. Это часть его плана. Мария пытается предупредить об этом снайперов, которые держат Калеба под прицелом, но ее горло сжалось, и из него не вылетает ни звука. Убийца медленно поднимает руку и взмахивает кинжалом. Лезвие сверкает в лучах свеч.

Кaleb сделал движение, которого ожидали парни из ФБР. Вот он, законный предлог убить подонка, который посмел прибить к кресту их сестру по оружию. Пальцы снайперов сгибаются на курках. Снайперы задерживают дыхание, чтобы не шевельнуться даже на миллиметр. Кaleb, кажется, открыл рот. Он говорит Марии «до свидания»... Мария качает головой справа налево, чтобы остановить снайперов. Слишком поздно. Несколько очередей раздаются

одновременно. Словно в замедленном кинофильме, она видит вспышки огня, которые вырываются из стволов, и дымящиеся гильзы, вытолкнутые из оружия затворами. Тело Калеба вздрагивает от ударов пуль, на рясе появляются красные пятна. Его руки по-прежнему подняты для молитвы. Он смотрит на Марию. Он улыбается. Потом его пальцы разжимаются и роняют свое оружие. Кинжал падает и отскакивает от пола. Последняя очередь разрывает Калеба пополам. Он падает на колени, его голова опускается, подбородок упирается в грудь, руки падают на колени. Он выиграл.

Гром очередей звучит тише. Мария закрывает глаза. Словно издалека, она слышит голос Баннермена и контрольные выстрелы в голову и затылок, которыми агенты ФБР в упор добивают Калеба. Потом силы покидают ее. Она больше не чувствует даже гвоздей, которые натягивают ее раны. Одно мгновение она цепляется за те обрывки реальности, которые до нее еще доходят, а потом отпускает их и погружается в темноту.

Часть третья

48

Через восемь дней. Больница Либерти-Холл в Бостоне

Дрожа от ледяного ветра, который создают кондиционеры, специальный агент Мария Паркс вдыхает запахи формалина и дезинфицирующих средств в морге бостонской больницы Либерти-Холл. Этот морг занимает всю подвальную часть больницы – две тысячи квадратных метров. Это подвальный этаж разделен перегородками на холодные комнаты, лаборатории для вскрытия трупов и кабинеты для более подробного анализа взятых при вскрытии образцов. Именно сюда попадает большинство трупов, обнаруженных в Бостоне и его окрестностях. Сюда привозят тела самоубийц и жертв несчастных случаев, произошедших в выходные дни. И тела людей, смерть которых вызывает подозрение; в этих случаях посмертный осмотр тел проводится по приказу генерального прокурора штата Массачусетс.

Последние залы морга, самые просторные и с самым лучшим освещением, отданы в распоряжение службы судебно-медицинской экспертизы больницы Либерти-Холл. Сюда допускают только сотрудников научных подразделений полиции. Трупы сюда привозят в чехлах из прорезиненной ткани. В серых чехлах убитые, в черных – убийцы.

В этих огромных помещениях из бетона, облицованных белыми кафельными плитками, целая армия всего насмотревшихся скептиков-судмедэкспертов пилит грудные клетки и распарывает мертвые животы, отыскивая следы преступлений – голубую кайму, которая остается на долях печени после отравления мышьяком, черные липкие сгустки вещества на лопнувших от удара селезенках, шейные позвонки, сдвинутые со своих мест при удушении, отверстия от пуль большого калибра в продырявленных легких и пробитых насквозь сердцах. Этот визуальный осмотр эксперты завершают обследованием рта и других естественных отверстий тела. Там могут быть найдены немного слюны, капля крови, волос, который станет чьей-то генетической подписью, или немного спермы, неосмотрительно слитой в утробу изнасилованной женщины.

Над этой массой разлагающихся тел поднимается больница Либерти-Холл – четырнадцать этажей стекла и стали, где больные и умирающие люди лежат в одиннадцати отделениях общей медицины и в центре реанимации и интенсивной терапии.

Именно в этот центр, на самый верхний этаж, срочно положили специального агента Марию-Меган Паркс. Здесь хирурги, сменяя друг друга, очистили и перевязали ее раны.

Семь следующих дней Мария пролежала на больничной кровати, а медсестры делали ей перевязки и вливали антибиотики. Семь дней подряд Паркс засыпала в уютном тепле своей палаты, а просыпалась распятая на кресте в темном склепе. Семь дней она набиралась сил под привычный шум электрокардиографа и тележек с бельем, которые катили по коридорам кастаньяши. Семь ночей она металась на кресте и кричала под уколами гвоздей.

Врачи прописали ей нейролептики, чтобы уменьшить остроту ее видений, но Паркс отказалась от этих лекарств. Нет ничего хуже, чем иметь видение под их действием. Скорость видения замедляется, каждая подробность увеличивается, кошмар становится нескончаемым, и боль в нем растягивалась на бесконечный срок.

На рассвете восьмого дня Паркс пришла в себя. Она чувствовала себя спокойной и отдохнувшей. Видение угасло, от него осталось только воспоминание о глазах Калеба, блестевших в темноте склепа. Еще одно тяжелое воспоминание среди многих. Разница лишь в том, что

Калев был убит спецназовцами из ФБР, и поэтому картины совершенных им убийств, несомненно, со временем потускнеют.

Если только Калев действительно умер.

Мария старается прогнать от себя эту мысль. В ее мозгу звучит тонкий голосок, который возникает в нем каждый раз, когда ей бывает страшно. Голос, которым она в детстве говорила со своими куклами.

49

Территория Рима, город-государство Ватикан, 6 часов утра

Кардинал Оскар Камано любит те часы, когда красная полоса зари постепенно разбавляет светом синеву ночи. Каждое утро, проехав мимо Колизея, где когда-то столько знаменитых христиан пролили свою кровь ради величайшей славы Божией, кардинал приказывает своему шоферу остановить лимузин на площади Новой церкви и дальше идет один по переулкам Рима в сторону моста Святого Ангела.

Он мог бы доезжать до собора Святого Петра, как обычно делают другие преосвященные кардиналы, которые гораздо моложе его. А мог бы пойти короткой дорогой в сторону реки и потом спуститься вниз через район Борго-Санто-Спирито. Но нет: и в дождь, и в ветер, и при мучительной, как пытка, боли из-за артроза в колене кардинал Камано идет в обход, через мост Святого Ангела. Потом он сворачивает влево, на Виа делла Кончилиационе – улицу Примирения, и уже по ней доходит до ватиканских соборов, словно совершает паломничество.

Эта прогулка в одиночестве нужна ему в первую очередь как подготовка к утомительному шумному дню. Кардинал Камано – глава сверхсекретного общества «Легион Христа» и внушающий страх начальник Конгрегации Чудес – одного из самых могущественных ведомств Ватикана. Такого могущественного, что даже кардинал – государственный секретарь, первый министр Церкви, ни разу не смог сунуть свой нос в бумаги ведомства Камано.

Другие кардиналы, не менее могущественные, продали бы душу, чтобы получить доступ к архивам ведомства Чудес. Эти старики, которым не давало покоя честолюбие, знали, что именно величайшая секретность работы этой конгрегации делала ее одним из самых страшных учреждений Ватикана.

Все, кто служил в Конгрегации Чудес, тринадцать лет учились в семинариях «Легиона Христа» перед тем, как дать клятву служителей. Потом, выбрав самых способных из каждого набора, конгрегация посылала их в лучшие университеты, где они получали несколько докторских степеней. Это долгое и трудное обучение делало подчиненных Камано специалистами, которые всю свою жизнь посвящали проверке подлинности чудес и поиску доказательств существования Бога. Это была главная задача конгрегации – испытывать на подлинность видимые и невидимые знаки потустороннего мира.

Когда приходило сообщение о новом чуде или о новых действиях Сатаны, Камано посылал своих легионеров установить, действительно ли речь идет о сверхъестественном явлении. А также выяснить, не ставит ли оно под сомнение догматы веры: чудо ведь могло противоречить высшим интересам Церкви. Камано должен был, действуя незаметно, убедиться, что эти проявления силы Бога совместимы с тем, что сказано в Священном Писании, или задушить зло в зародыше, если они могут расшатать устои Ватикана.

После завершения этой предварительной проверки ученые из «Легиона Христа» связывались с Римом по самым тайным церковным каналам. Священники из ведомства Камано вводили полученные от них данные в свои компьютеры и выясняли, не происходило ли уже такое чудо в другом месте или в другую эпоху. Чаще всего эта проверка не давала никаких результатов. Тогда необычный случай оставляли под наблюдением и начинали работать со следующим.

Но иногда компьютеры разыскивали данные о том, что такое же чудо или такое же злодеяние в течение столетий повторялось через одинаковые промежутки времени. Тогда «Легион Христа» предполагал, что так исполняется одно из пророчеств Церкви и что, возможно, это Бог напоминает людям о себе. Легионеры подавали сигнал тревоги, папа немедленно забирал дело об этом явлении к себе, опечатывал своей апостольской печатью и держал под замком.

У Камано была и еще одна забота: сделать так, чтобы чудо или злодеяние было классифицировано до того, как в дело сунут свой нос другие конгрегации или, что еще хуже, журналисты. В случае сомнения он добивался, чтобы папа опечатал все дела, которые Конгрегация Чудес рассматривала на первом этапе. Если потом выяснялось, что случай не представляет никакого интереса, кардинал просил вернуть дело о нем в открытый доступ.

Из-за этого Камано так сильно уставал. Из-за этого же у него было много врагов.

Но в задачи его конгрегации входило не только рассмотрение доказательств существования Бога. Эта бесконечная задача была, в сущности, прикрытием для другой, такой тайной и опасной, что даже враги кардинала никогда не подозревали, как велики ее размеры. Если выяснялось, что одно и то же чудо происходило в течение многих веков, особенно если оно каждый раз было ответом на действие сатанинских сил, словно два противника сошлись в борьбе и каждый стремился победить, это означало, что скоро может исполниться древнее пророчество и что мир в опасности. В таких случаях легионеры Христа начинали рыться в архивах, где были собраны письменные свидетельства и знаки, предвещавшие великие катастрофы. Там были данные о предвестниках Всемирного потопа, падения Содома, египетских казней и о семи печатях Апокалипсиса. Но рядом с ними хранились и пророчества Нострадамуса, Малахии, Леонарда Пизанского и великих святых христианства. Здесь было столько предсказаний о Божьем гневе, что подчиненные Камано должны были, помимо выполнения своей официальной задачи, следить, не исполняется ли какое-то из них. А несколько месяцев назад многие легионеры Христа обнаружили одинаковые знаки в Азии, Европе и Соединенных Штатах – стигматы Страстей Христовых, загадочные исцеления, истекающие кровью статуи и случаи коллективной одержимости, а также осквернение кладбищ и жертвоприношения. И ритуальные убийства тоже. Целая серия убийств, и во всех случаях у преступников один и тот же почерк. Эти убийства особенно беспокоили Камано потому, что жертвами были только монахини, и притом не рядовые. Именно из-за этого и была объявлена общая тревога: уже несколько недель в секретных отчетах с передовых постов «Легиона Христа» упоминались убийства в монастырях святого ордена затворниц. Убиты были около тридцати монахинь этого ордена. И что особенно беспокоило кардинала, все убитые были найдены распятыми и обесчещенными, их тела были разбиты какой-то чудовищной силой. Убийца выжег на их телах раскаленным железом четыре буквы INRI, сокращение латинской надписи, которую римляне прибили над головой Христа. Но на телах умерших под пыткой монахинь эти четыре буквы сопровождались изображением пятиконечной звезды, внутри которой был изображен демон с козлиной головой. Это знак Бафомета, самого могучего из рыцарей Зла, архангела Сатаны.

Эти ритуальные убийства произошли в самых тайных монастырях католической Церкви, и поэтому Ватикану до сих пор удавалось замалчивать их. Но Камано знал, что скоро молчать уже будет невозможно. Почерк убийцы был одним из пророческих знаков, описания которых хранились в архивах Конгрегации Чудес. Он означал, что Воры Душ вернулись.

Поняв это, Камано отправил своих легионеров туда, где, по данным его разведки, количество убитых затворниц росло в угрожающей степени. С тех пор он нетерпеливо ждал новостей от своих посланцев.

Вот о чем думал кардинал Камано, поднимаясь на мост Святого Ангела. На мосту он остановился, чтобы посмотреть на Тибр, но тут зажужжал его мобильный телефон.

Звонил монсеньор Джузеппе, его апостольский протонотарий, то есть секретарь. Голос добродушного и крепкого телом, несмотря на старость, Джузеппе был почти визгливым от страха. Так говорят те, кто только что увидел Дьявола.

Слушая его, Камано ни разу не моргнул под взглядом каменных ангелов, охранявших мост. Люди из ФБР только что нашли в окрестностях Геттисберга, штат Мэн, трупы четырех убитых молодых женщин. Убиты Мэри-Джейн Барко, Патриция Грей, Сэнди Кларк и Дороти Бракстон, четыре монахини из Конгрегации Чудес, которых Камано послал несколько недель назад расследовать убийства затворниц в Соединенных Штатах.

– Это все?

– Нет, ваше преосвященство. Эти люди из ФБР сумели застрелить убийцу. Это был монах.

Камано закрыл глаза и попросил своего протонотария подробно рассказать о том, как были совершены преступления. Когда он услышал ответ, его сердце застучало с бешеной силой. Молодые монахини погибли так же, как затворницы, судьбу которых они должны были выяснить. Убийца пытал их, а потом распял на крестах и выжег раскаленным железом на их туловищах четыре буквы INRI.

Кардинал закончил разговор. Он чувствовал во рту вкус крови. Теперь у него больше не было выбора. Он должен как можно скорее сообщить его святейшеству о том, что очень скоро исполнится одно из самых худших пророчеств Церкви. И это за несколько часов до начала Третьего Ватиканского собора! Сотням кардиналов и епископов еще много недель назад были отправлены приглашения на один из величайших съездов христианских иерархов за всю историю христианства. На собор, который должен был установить догматы веры и определить будущее Церкви. Сотни священнослужителей в красных одеждах начали съезжаться сюда со всего мира. Постепенно они занимали все больше места на площади Святого Петра и в бесконечных коридорах Ватикана.

Камано незаметно делает знак шоферу, который следует за ним в лимузине на достаточном расстоянии. Перед тем как сесть на заднее сиденье машины, он поворачивается к статуе архангела Михаила, которая охраняет крепость пап. В лучах рассвета острие копья, которое поднимает в руке Михаил, первый рыцарь Бога, кажется красным, словно его только что окунули в чан со свежей кровью. Кардинал больше не имеет права сомневаться.

50

Глаза Марии Паркс, которую поддерживает Баннермен, моргают от тусклого света неоновых ламп. Тело Калеба, накрытое простыней, лежит на анатомическом столе, а перед столом готовятся выполнить свой обряд доктора Манкузо и Стентон, два лучших в ФБР коронера, то есть следователи по убийствам. Мария уже работала с ними над многими делами, когда судмедэкспертам не удавалось заставить заговорить трупы. Благодаря Манкузо и Стентону примерно десять серийных убийц сейчас спали в тюрьме или в опломбированном гробу. И этого доктора добились, просто разрезая органы тела и анализируя пробы крови. Вот что такое тайны гормонов и обломков клеток.

Пока Мария надевает комбинезон, хирургическую маску и очки из плексигласа, Стентон снимает простыню с того, что осталось от Калеба. Мария застывает на месте, увидев лицо того, кто едва не убил ее, – или, вернее, то, что осталось от этого лица после снайперских пуль. Одна пуля на выходе выбила правый глаз, другая расколола височную кость. Еще одна пуля, крупного калибра, глубоко вошла в череп и оторвала голову от шеи. Две последние пули, выпущенные в упор в область над ухом, разбили челюсть Калеба. От его лица остался только один голубой глаз, часть лба, одна щека и половина носа. Остальное превратилось в ком мясного фарша без кожи, из которого выступают наружу обломки костей и зубов.

Кaleb ниже ростом, чем казалось Марии, и мощнее. Мышцы толстые, как канаты, бедра словно у мясника, плечи как у землекопа, торс как у кузнеца. Только годы тяжелого труда могут выковать человека такой чудовищной силы.

Взгляд Марии скользят по телу Калеба. Его мужской член лежит на густых черных волосах, растущих на животе. Этот кусок плоти такой толстый, что у Марии перехватывает дыхание. Кaleb даже мертвый полон грубой силы. Но ее ужас вызван не только его телосложением людоеда из сказки и не его членом насильника. Ее пугает кое-что еще. Что-то не в порядке с этим телом. И непорядок настолько очевиден, что Марии трудно определить, в чем дело. Только сосредоточив внимание на коже убийцы, она понимает, что Кaleb стареет.

Ну вот, началось! Мария, ты начинаешь нести чушь.

И все же... На первый взгляд может показаться, что труп Калеба просто гниет быстрее обычных трупов. Но если внимательно присмотреться, то станет видно, что его кожа не разлагается, а вянет и начинает сохнуть, как кожаное изделие, за которым плохо ухаживают.

Мария смотрит на ладони Калеба. Эти ладони ей хорошо знакомы: она видела их вблизи, когда он прибывал ее к кресту. Кажется, ногти убийцы стали длиннее. Что-то похожее бывает с мертвецами: те, кто открывает гроб через несколько месяцев после похорон, видят, что ногти трупа выросли. Мария дрожит и кусает губы: она уверена, что грудь мертвеца едва заметно шевельнулась. Ладонь убийцы тоже начинает шевелиться. Мария холодеет от ужаса.

– Ты в порядке, Мария?

Мария резко вздрагивает, когда пальцы Баннермена сжимают ее плечо. Ладонь Калеба снова падает на железный стол. Его грудь выглядит неподвижной.

Боже мой, Кaleb не умер...

51

Выйдя из узких переходов папского дворца в более широкие парадные коридоры, кардинал Камано тут же увидел и пожал протянутую ему мягкую ладонь монсеньора Доминичи, личного секретаря и духовника папы. Доминичи сморщился от боли. Сжимая пальцы духовника в своем кулаке, Камано вонзил взгляд в его желтые глаза. Обитатели Ватикана больше всего ненавидели не папу и не кого-либо из кардиналов – членов всемогущей курии. Самым ненавидимым в Ватикане человеком был этот пухлый коротышка, которому глава Церкви открывал свои самые тайные мысли.

Камано ослабил давление своей руки и улыбнулся папскому духовнику, но в улыбке не было радости.

– Скажите, монсеньор, как чувствует себя его святейшество?

– Папа обеспокоен своими заботами. Прошу вас, ваше преосвященство, не говорить много: он старый, больной и усталый человек.

– Бог тоже стар, но все же царствует.

– Тем не менее я боюсь за здоровье папы и посоветовал бы вам не утомлять его.

– Во время собора и при наших нынешних заботах? Это все равно что попросить капитана корабля пойти отдохнуть, когда вода заливают трюмы.

– Ваше преосвященство, вы, кажется, меня не поняли. Его святейшество стар и уже не может нести такой груз работы, какой нес в начале своего правления.

Камано подавляет зевок.

– Мне надоело слушать вас, Доминичи. Папы как старые машины: их используют, пока могут, а когда машина ломается, покупают другую. Поэтому утешайте его душу в той мере, в какой вы считаете это полезным, а заботы об остальном оставьте Богу и кардиналам курии.

Сказав это, Камано покидает духовника и кивает швейцарским гвардейцам. Они раздвигают свои скрещенные алебарды и впускают кардинала в покои папы. Закрывая за собой дверь,

Камано сразу обращает внимание на тишину и темноту в комнатах. Солнце, которое встает над площадью Святого Петра, проливает сюда красный как кровь свет через тяжелые бархатные занавески. Камано видит на светлом фоне окна темный силуэт папы. Его святейшество стоит перед окном и смотрит на рассвет, который окрашивает белым цветом соборы Ватикана. В одном, по крайней мере, Доминичи прав: судя по тому, как папа выглядит, его силы на пределе.

Скрип паркета под ногами заставляет Камано замереть. Плечи папы слегка вздрагивают, словно он только что заметил присутствие кардинала в комнате. Камано видит, как папа приносится к воздуху комнаты, а потом в комнате раздается хриплый старческий голос главы Церкви:

– Итак, мой дорогой Оскар, вы по-прежнему любите этот светлый виргинский табак?

– Как жаль, ваше святейшество, что эта любовь – не грех.

Тишина. Папа медленно поворачивается. Лицо у него очень серьезное. И морщин на этом лице столько, что кардиналу кажется, будто папа за одну ночь постарел на десять лет.

– Итак, мой друг, что нового?

– Сначала скажите мне, как вы себя чувствуете.

Его святейшество глубоко вздыхает:

– Что я могу сказать кроме того, я стар, скоро умру и мне не терпится наконец узнать, существует ли Бог.

– Как вы можете сомневаться в Его существовании, ваше святейшество?

– Так же легко, как верю в Него. Бог ведь единственное существо, которому не обязательно существовать, чтобы править.

– Это сказал святой Августин?

– Нет, Бодлер.

Оба молчат. Потом Камано тихо кашляет, чтобы прочистить горло, и начинает говорить:

– Ваше святейшество, у меня плохие новости. В разных частях мира происходит все больше чудес и проявлений силы Сатаны.

– Это знаки исполнения пророчества?

– За последние месяцы было убито много монахинь из ордена затворниц. Четыре агента Конгрегации Чудес, которых мы послали в Соединенные Штаты расследовать эти преступления, тоже убиты.

– И?..

– Люди из ФБР сумели застрелить убийцу. Это был монах. У него на плечах татуировка – сатанинские символы, пламя Ада, окружающее буквы INRI. Это символ Воров Душ.

– О господи! Что вы сказали?

Папа покачнулся, Камано бросился к постаревшему главе Церкви и поддержал его. Опираясь о плечо кардинала, папа дошел до своей кровати и с трудом сел на нее.

– Ваше святейшество, известно ли вам, почему Воры Душ убивают затворниц?

– Они... хотят завладеть одним евангелием, которое Церковь потеряла больше семисот лет назад.

– Что было написано в этом евангелии?

По лицу папы скользнула тень.

– Ваше святейшество, мне крайне необходимо знать, с каким врагом я имею дело. Иначе я не смогу бороться.

– Это очень долгая история.

– Я вас слушаю.

Коронер Манкузо дышит в микрофон своей гарнитуры. Он только что прикрепил к поясу датчик, с которым она соединена. На датчике загорается зеленый индикатор. Когда на ленте больше не будет места для записи, индикатор станет красным. Пока Стентон подготавливает микроскопы и центрифуги, в искусственном холоде морга звучит голос Манкузо:

– Осмотр трупа геттисбергского убийцы в больнице Либерти-Холл, Бостон. Вскрытие проведут коронеры Барт Манкузо и Патрик Стентон по поручению шерифа округа Геттисберг и генерального прокурора штата Массачусетс. Отмечу также, что директор ФБР Стюарт Кроссман особым приказом присвоил этому делу федеральный уровень секретности. Поэтому необходимо, чтобы запись переписал секретарь, хорошо знакомый с требованиями этого уровня конфиденциальности.

Манкузо откашливается, чтобы прочистить горло. Стентон сменяет его и продолжает своим низким сильным баритоном:

– Цель осмотра – не определение причин смерти, поскольку в них нет никакого сомнения, а в том, чтобы собрать все данные, которые могут быть полезны для установления личности убийцы и для определения мотивов, по которым он убивал своих жертв.

Эти слова усилены треском фотовспышки и шипением батареек: Стентон делает несколько фотографий выходных отверстий от пуль, которые бойцы из ФБР выпустили в Калеба в склепе.

– На теле подозреваемого обнаружено шестьдесят семь входных и шестьдесят три выходных отверстия, которые неравномерно распределены по всему телу. Большинство этих отверстий оставлены боеприпасами калибра девять миллиметров, имевшими дозвуковую скорость при полной нагрузке, и боевыми пулями сорок пятого калибра 5,56, выпущенными при настильной стрельбе с расстояния тридцать пять метров. Остальные сосредоточены в мозговых полушариях и стволе мозга, оставлены пулями сорок пятого калибра от пистолета «магнум» и пулями калибра девять миллиметров от пистолета «парабеллум». Выстрелы были резкие и разрушительные, сделаны с близкого расстояния.

– Бронированные пули! Били бы уж сразу из гранатомета, – проворчал Манкузо, просовывая палец в одно из двух последних отверстий в черепе. Палец вошел туда целиком. – Ну и сослуживцы у тебя, Паркс! Просто ковбой!

Паркс закрывает глаза и слушает шум, который производят пальцы Манкузо, шаря внутри черепа Калеба. Коронер копается в пулевых отверстиях, а Стентон в это время раскладывает по местам инструменты для нанесения разрезов. Пальцы Манкузо возвращаются из раны пустыми; он берет в руку щипцы, чтобы залезть в нее глубже. Когда щипцы выныривают из тела, Паркс видит, что в руке коронера блестит обломок бронированной пули.

– О'кей.

На этом доктора Манкузо и Стентон по обоюдному согласию прекращают выяснение причин смерти и переходят к подробному исследованию трупа.

Манкузо и Стентон зажигают экраны, на которых их ассистенты разместили в ряд рентгеновские снимки скелета Калеба и остатков его челюсти. Левый экран мигает: одна из ламп, которые его подсвечивают, плохо работает. Манкузо стучит по нему пальцами, лампа трещит, потом зажигается. Звучит голос Стентона:

– Осмотр рентгеновских снимков, выполненных через четыре часа после смерти. Снимки челюсти и зубов. На участках, которые не были разрушены пулями, зубы стерты так, что обнажены значительные участки корней. Кроме того, заметен признак, который много значит, – отсутствие лечения. На тех зубах, которые мы можем видеть, нет ни коронок, ни пломб. Можно сделать вывод, что этот человек никогда не был у зубного врача. Следует также обратить вни-

мание, что на зубах нет округлостей и зазубрин, которые возникают при употреблении твердой пищи. Кроме того, челюстные мышцы слабы для человека с таким мощным телосложением. Это, вероятнее всего, означает, что он питался в основном растительной пищей.

Манкузо, копаясь крюком и пинцетом во рту трупа, дополняет лекцию Стентона:

– Эмаль зубов тусклая и покрыта трещинами, дентин мягкий. Шейки зубов оголены, десна втянута внутрь. Следует также отметить наличие в ротовой полости крупных язв, которые указывают на длительный дефицит витамина С.

Стентон, не веря его словам, направляет луч своего фонаря на то место, куда указывает закутанный в латексную перчатку двойной толщины палец Манкузо. Потом он произносит:

– Коронер Стентон подтверждает, что на трупе имеются язвы, характерные для цинги. В наше время такой синдром можно обнаружить только в странах, народам которых приходится долго и тяжело голодать. Должно быть, этот человек питался в основном вареными корнеплодами и овощами. В его пище почти или совсем не было плодов и мяса.

Манкузо накрывает ладонью микрофон, чтобы его слова не были записаны, и тихо спрашивает Стентона:

– Цинга? А почему бы не проказа? Когда ты в последний раз видел в Америке признаки цинги на трупе?

– Я вижу их в первый раз за всю жизнь.

53

Дверь личных покоев папы приоткрывается. Пол скрипит. Личный секретарь папы, шурша сутаной, наклоняется к уху его святейшества и вполголоса докладывает, что последние из кардиналов только что прибыли и что церемония открытия Третьего Ватиканского собора начнется, как было намечено, в шестнадцать часов. Папа кивает и шевелит рукой. Ладонь у него вялая от слабости. Секретарь подает ему графин с водой на серебряном блюде и уходит. Двери закрываются за ним.

С колокольни базилики раздается звон – призыв к верующим помолиться Богородице. Когда колокола кончают звонить, в комнаты папы снова проникает далекий шум толпы туристов на площади Святого Петра. Камано и его святейшество сидят в кожаных креслах. Папа наклоняется к кардиналу и говорит:

– То, что я сейчас хочу вам рассказать, ни в коем случае не должно выйти из стен этой комнаты. Особенно во время собора, когда в коридорах Ватикана бродит столько любопытных пар ушей на двух ногах. Вы хорошо меня поняли?

– Да, ваше святейшество.

Папа берет графин, наполняет водой два хрустальных стакана и подает один из них кардиналу. Тот ставит стакан на низкий столик.

– Это дело – самая большая тайна Церкви. Оно началось в день смерти Христа. В Писании сказано, что Иисус во время предсмертной агонии утратил дар блаженных видений. Раньше ему было достаточно закрыть глаза, чтобы увидеть рай и небесных ангелов. Но раз он потерял этот дар в момент смерти, можно подумать, что он, должно быть, увидел людей такими, какие они есть, – вопящую толпу у его ног, цепь римских солдат вокруг креста. Его оскорбительно ругали, в него плевали. Вот за кого он умирает – понял он. В Писании сказано, что тогда он поднял глаза к небу и закричал: «Элой, элой, лама сабахтани?»

– Что значит: «Отец, отец, почему ты меня покинул?»

– Да. Это были его последние слова. Потом Христос умер. Это официальная версия.

Оба какое-то время молчали. Потом Камано спросил:

– И в чем тут проблема?

– В том, дорогой Оскар, что, кроме этой официальной версии, никому ничего не известно о том, что стало с Христом после его смерти.

– Я не понимаю, к чему вы клоните.

– В Евангелиях сказано, что римляне отдали тело Христа его ученикам, чтобы те смогли его похоронить по еврейским обрядам в гробнице, вход в которую закрыт тяжелым камнем. Согласно все той же официальной версии, через три дня после смерти Христа его труп исчез из этой гробницы, хотя никто не откатывал камень от входа. Потом воскресший Христос появился среди апостолов. Он передал им Священное Писание и послал их просвещать народы светом Евангелия.

– В чем же дело?

– В том, что в Писании есть белое пятно. Там ничего не сказано о времени между моментом смерти Христа и тем моментом, когда его ученики обнаружили, что гробница открыта. Три дня, о которых никто ничего не может сказать. Все остальное – земная жизнь Христа, его арест, суд над ним, муки Страстей и казнь – засвидетельствовано в документах или было подтверждено тысячами свидетелей. Все может быть проверено, кроме этих трех дней. А вся наша вера основана как раз на том, что произошло в эти три дня. Если Христос действительно воскрес, это значит, что и мы воскреснем. Но предположим, что Христос никогда не возвращался из мертвых.

– Что вы говорите?!

– Предположим, что он умер на кресте и не воскрес, а следующие три дня были придуманы апостолами, чтобы его дело продолжалось и то, что он сказал людям, распространилось по миру.

– Именно это сказано в Евангелии от Сатаны?

– Это и еще другое.

Снова молчание.

– Что другое?

– Это евангелие не только утверждает, что Христос не воскрес. В нем также сказано, что, утратив дар блаженных видений, он на кресте отрекся от Бога и, сделав это, превратился в Януса, вопящего зверя, которого римляне прикончили, переломав ему руки и ноги. Иисус, сын Бога, стал Янусом, сыном Сатаны.

– Вы хотите сказать, что в тот день победу одержал не Бог, а Сатана?

Взгляд папы стал печальным.

– Ну что вы, ваше святейшество! Мы не первый раз сталкиваемся с такими ересями. Таких евангелий были сотни и будут еще новые. Нам достаточно отрицать все целиком и полностью и срочно послать в наступление батальон ученых, которые служат нашему делу. Широкие массы верят прежде всего в вас и лишь потом в Бога. Если папа назвал что-то правдой, значит, это правда. Так было всегда, и нет никаких причин, чтобы в этот раз случилось иначе.

– Нет, Оскар, на этот раз положение более тяжелое.

54

Коронеры Манкузо и Стентон, руководствуясь рентгеновскими снимками, начали подробно исследовать скелет Калеба. Медленный голос Манкузо тихо озвучивает мысли обоих судебных медиков:

– На костях видны последствия многочисленных травм, которые были залечены. Лечение было примитивное: это видно по тому, что костные мозоли вокруг переломов толстые и неровные. Этому человеку, несомненно, было около сорока лет, но отсутствие современной медицинской помощи внешне состарило его раньше срока и истощило его организм. Возможно, это бродяга, который давно порвал все связи с современным обществом. Поэтому следствию стоит

обратить основное внимание на маргиналов в крупных городах и на бродяг, зарегистрированных полицией во время проверок в сельских местностях штатов Мэн и Массачусетс. У кого-нибудь есть что добавить к этому?

– Да! – заявила Мария. – Калев стареет.

Манкузо и Стентон слегка вздрогнули, услышав ее голос. Манкузо выключил запись.

– Что ты сказала, Паркс?

– Когда я была рядом с Калевом в склепе, ему было на вид самое более тридцать лет.

– Разве ты видела его лицо? Я думал, что нет.

– Я видела его ладони.

– Что ты хочешь сказать? Что он постарел на десять лет, пока лежал в холодной комнате?

– Да, именно это я и хочу сказать.

Манкузо обнял рукой плечи Марии.

– Пусть будет так, моя дорогая. Тебя прибили к кресту, потом ты провела восемь дней в интенсивной терапии, и теперь ты убеждена, что мир уродлив и отвратителен, что мы все умрем из-за атомных электростанций и что «Гиганты» не будут играть в ближайшем Суперкубке.

Вот что я предлагаю. Я буду продолжать вскрытие согласно научным правилам наблюдения и анализа. Если этот твой парень действительно стареет, я приглашу тебя на ужин, заплачу за обоих, каким бы ни был счет, и даже не попытаюсь поймать тебя после того, как отвезу домой. – И добавил, повернувшись к своему товарищу: – Эй, Стентон! Как насчет того, чтобы вскрыть этого хренова призрака сегодня?

– Ну, черт возьми, ты даешь! Как не согласиться: этот труп умрет от старости, если мы ничего не сделаем!

Стентон снова включает запись и уже серьезно говорит:

– Рентгеноскопический осмотр завершен. Мы продолжаем работу.

Коронеры вооружаются лупами и осматривают кожу Калеба.

– На коже трупа обнаружены патологии, характерные для бродяг: чесотка, грибок, шрамы, которые остаются после ветрянки и оспы при плохом лечении. Верхний слой кожи поврежден. Следует обратить внимание на ритуальную татуировку на предплечьях. Рисунок на коже сделан острым лезвием, и надрезы заполнены несмываемыми чернилами. Он изображает пылающий костер и стоящий посреди него красный крест, окруженный языками огня. Возле локтевого сгиба эти языки соединяются, окружают крест и сплетаются, образуя слово – нет, скорее сокращение: INRI.

– Это титулус, – говорит Мария.

– Как ты сказала? – спрашивает Манкузо и поворачивается к ней.

Когда он видит лицо молодой женщины, ему кажется, что ее глаза стали больше. Она, словно загипнотизированная, пристально глядит на труп. Потом снова начинает говорить, и каждое ее слово в ледяном воздухе морга сопровождается кольцом пара.

– Титулус. Так у римлян называлась табличка, которую вешали на шею рабам, когда продавали их на рынках. Такие же таблички прибывали в античные времена к крестам над головами распятых, чтобы люди знали, чем осужденный заслужил такую муку.

– А что значит INRI?

– Это сокращение надписи на табличке, которую Понтий Пилат приказал прикрепить над головой Христа. Надпись была сделана на латыни, на греческом и на еврейском языках, чтобы все смогли ее прочитать. INRI – сокращение ее латинского варианта. В латыни не было буквы J, которую мы теперь пишем в начале имени Иисус, ее роль выполняла буква I. Поэтому надпись на титулусе выглядела так: *Jesus Nazarenus Rex Iudaeorum*. Что значит: Иисус из Назарета, Царь Иудейский.

– Ты это узнала, когда учила катехизис?

- Нет. У меня есть диплом преподавателя истории религий.
- А что, по-твоему, означает огонь вокруг красного креста?
- Пламя ада.
- Извини, я не понимаю.
- У арамейцев такой рисунок на могиле означал, что тот, кто в ней похоронен, проклят и его могилу ни в коем случае нельзя открывать, иначе его душа вырвется на свободу и станет мучить мир.
- Значит, если я верно улавливаю твою мысль, татуировка этого трупа означает, что...
- Что Иисус Христос находится в аду.

55

- Насколько это серьезно, ваше святейшество?
- Какое-то время папа молчит, погрузившись в свои мысли.
- Маятник часов равномерно стучит, словно цеп, который молотит тишину. Потом глава Церкви начинает рассказывать. Он говорит так тихо, что кардиналу Камано приходится наклоняться к нему.
- В Евангелии от Сатаны сказано, что после смерти Христа его ученики, которые видели его отречение, убили римлян, поставленных сторожить крест, унесли труп Януса и похоронили его в пещере на севере Галилеи. Судя по тому, что нам известно, они вырубили углубление в стене той пещеры, где укрылись сами, поместили в эту нишу останки Януса и замуровали ее. На плите, закрывшей вход в гробницу, они вырезали крест цвета крови, окруженный языками огня, а над ним – священную надпись INRI.
- Почему они вырезали сокращение надписи с именем Иисус? Они же хоронили Януса.
 - Для римлян это сокращение означало *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum* – «Иисус из Назарета, Царь Иудейский». Но ученики отрицания истолковали это же сочетание букв иначе. Для них оно означало *Ianus Nazarenus Rex Infernorum*, что можно перевести как «Янус из Назарета, Царь Ада».
- У Камано закружилась голова, но ему казалось, что это голос папы неподвижно висит в воздухе комнаты и слегка покачивается.
- В этих пещерах ученики Януса и написали свое евангелие, в котором, сменяя друг друга, рассказали о том, что они увидели в тот день. Потом римляне стали их преследовать, и они бежали в Малую Азию. Там они поселились в подземном монастыре, затерянном в горах Каппадокии. Оттуда они послали миссионеров во все концы мира, чтобы распространить свою ересь. Известно, что потом эта секта исчезла. Несомненно, все сектанты погибли во время какой-нибудь эпидемии.
 - А евангелие?
- Папа с трудом встает с кресла и подходит к закрытому тяжелыми шторами окну. Он на мгновение отодвигает одну из штор и смотрит на беготню туристов по площади. Потом продолжает свой рассказ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.